

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

В.П. Липеровский

**Посессивные конструкции
в хинди и русском языке**

МОСКВА
2009

Липеровский В.П.

Посессивные конструкции в хинди и русском языке. — М.: ИВРАН, 2009. — 72 с.

ISBN 978-5-89282-377-7

В монографии воплощены результаты исследования, проведенного с применением методики сопоставительного лингвистического анализа. В ней показано, каким образом в грамматическом строе каждого из привлеченных к анализу языков — хинди и русского — преломляется одна из универсальных понятийных категорий, а именно посессивность. Прослежены линии схождения и расхождения между названными языками в сфере выражения посессивного отношения. Монографией вносится вклад в решение проблемы посессивности — проблемы, широко обсуждаемой современными лингвистами как в общетеоретическом плане, так и применительно к отдельным языкам.

ISBN 978-5-89282-377-7

© Липеровский В.П., 2009

© ИВ РАН, 2009

Введение

Настоящая работа принадлежит к тому направлению лингвистических исследований, которое, будучи известным под названием контрастивная (сопоставительная, фронтативная) лингвистика, имеет дело с изучением двух, реже нескольких языков для выявления их сходств и различий на всех уровнях языковой структуры [31, с.239]. Идеи контрастивной лингвистики, ее теоретические положения и свойственные ей подходы к анализу языкового материала получили освещение в монографиях (см., в частности, [49; 51]) и на страницах тематических изданий и сборников статей [32; 34; 38; 39; 41].

В контрастивной лингвистике внимание исследователей концентрируется на синхронном срезе каждого из сопоставляемых языков и при параллельном анализе двух и более языковых систем обнаружение межъязыковых расхождений производится на фоне установленного базового сходства [41, с.21]. Такого рода синхронно-сравнительный метод позволяет четче фиксировать и лучше определять те особенности каждого из сопоставляемых языков, которые могут не попасть в поле зрения исследователя, ограничивающегося в анализе рамками лишь одного языка.

Контрастивное изучение языков дает ценный материал для типологии, для выявления универсалий, а также имеет выход в прикладное языкознание, а именно в практику преподавания неродного языка, способствуя предвидению и преодолению нежелательной интерференции и очерчивая сферу положительного переноса навыков родной речи на иноязычную речь, и играет существенную роль в создании лингвистической базы для теории перевода.

В контрастивных исследованиях имеют место два подхода к анализу языкового материала: 1) ономаσιологический, когда сопоставление ведется в направлении от содержания к выражающим данное содержание формам или средствам; 2) семасиологический, когда сопоставление языковых фактов осуществляется в направлении от формы к содержанию (или к функции).

В практике контрастивных исследований первым из подходов легко обеспечивается одинаковый статус языков как объектов сопоставления благодаря тому, что в основу сопоставления кладется некий «третий член» (*tertium comparationis*) как особое понятие (оно, в частности, может соответствовать функционально-семантической категории, лексико-семантическому полю), в способах передачи которого выявляются межъязыковые схождения и расхождения. Сравнение, таким образом, может проводиться в двух направлениях (при попарном сопоставлении языков): от языка *A* к языку *B* и наоборот. Важно только, чтобы за «третьим членом» закреплялось в плане содержания нечто инвариантное по отношению к сопоставляемым языкам.

При втором подходе естественным выглядит такой путь исследования: избирается форма одного из языков и прослеживаются способы выражения в

сопоставляемом языке предварительно выявленного значения (выявленных значений) этой формы. Тем самым один из языков предстает в контрастивном исследовании как исходный язык (*source language, langue de départ, Ausgangssprache*), а другой — как язык-цель (*target language, langue d'arrivée, Zielsprache*). При придании контрастивным исследованиям педагогической или методологической направленности логично видеть в родном языке «исходный язык», а в преподаваемом «язык-цель», т. е. язык, являющийся предметом усвоения. Однако следует иметь в виду, что при последовательном осуществлении упомянутого подхода (семасиологического) «исходный язык» предстает как бы отраженным в зеркале «языка-цели», а если последний будет при этом родным языком, то он окажется исходным для объяснения фактов языка, исходного в первоначальном понимании, т. е. исходного в отношении привлеченных в целях контрастивного анализа форм.

В ходе контрастивного исследования следует принимать во внимание: 1) функциональный аспект употребления слов, словоформ и предложений в плане отражения внеязыковой действительности этими языковыми сущностями; 2) системную обусловленность места рассматриваемых языковых единиц в строе сопоставляемых языков; 3) принципиальную допустимость передачи одинаковых или близких значений средствами разных уровней¹.

Грамматические явления разных языков подлежат сопоставлению в плане выражения, в плане содержания и в плане функционирования.

В плане выражения сопоставляются способы и приемы передачи грамматических значений, формальные особенности грамматических категорий. Здесь речь может идти о соотношении синтетических и аналитических средств выражения грамматических категорий, о морфемном составе словоформ, о формальных чертах порядка слов и т. п.

В плане содержания сравниваются грамматические категории в отношении общего свойства (параметра), положенного в основу их выделения, и характера определяющих их структуру оппозиций, а также в отношении объема их значений. Здесь типичными оказываются следующие моменты расхождения между сопоставляемыми языками: 1) какая-то грамматическая категория наличествует только в одном из сопоставляемых языков и отсутствует в другом; 2) категория имеется в обоих языках, но количество субкатегорий внутри нее и объемы их содержания не совпадают.

В плане функционирования сопоставление должно быть ориентировано на показ того, как используются экспоненты грамматических категорий (скажем, в плане реализации ими первичных и вторичных функций), какова роль однотипных языковых средств в выражении значений в разных языках, каков набор принадлежащих разным уровням средств, обеспечивающих вы-

¹ В связи с третьим из упомянутых моментов уместно отметить, что в качестве основы теоретического описания взаимодействия разнородных средств, служащих передаче определенного значения, успешно используется понятие функционально-семантического поля.

ражение одинаковых значений и выполнение одинаковых функций в разных языках.

В ходе сопоставления языков исследователи прибегают к понятиям конгруэнтности и эквивалентности [51, с. 43]. Под конгруэнтностью понимается подобие в плане выражения, обнаруживаемое в сопоставляемых языках, под эквивалентностью — совпадение значений языковых единиц. Эквивалентность, в отличие от конгруэнтности, имеет отношение только к двусторонним языковым сущностям, тогда как конгруэнтность оказывается релевантной и для единиц фонетико-фонологического уровня.

Степень эквивалентности языковых единиц, становящихся предметом сопоставления, бывает различной. Если под полной эквивалентностью понимать отношение между сопоставляемыми величинами, характеризующее тождеством семантических компонентов, то в подавляющем большинстве случаев практика исследования столкнется с эквивалентностью частичной. Типичное проявление частичной эквивалентности — это отношение дивергенции и отношение конвергенции между языковыми единицами, сопоставляемыми в направлении от исходного языка к языку-цели.

Настоящая работа пополняет в какой-то мере тот ряд работ, где наряду с каким-то другим языком в качестве объекта сопоставления привлекается русский язык (см., в частности, [4; 12; 13; 25; 28; 33; 67]). «Другим» же языком является в ней хинди, который в контексте проведенного исследования, легче воспринимать как объект усвоения («хинди в зеркале русского»).

Вместе с тем данная работа затрагивает проблему посессивности, живо обсуждаемую в современной лингвистике как в сугубо общетеоретическом плане, так и применительно (чем тоже не исключается рассмотрение общетеоретических аспектов) к отдельным языкам. В ней предпринята попытка сопоставить хинди и русский язык, сфокусировав внимание на том, как в их грамматическом строе преломляется одна из универсальных понятийных категорий, каковой является посессивность. Такое преломление может наблюдаться на разных уровнях языковой системы. В работе же освещению подвергаются в основном конструкции сентенциального уровня, качественное своеобразие которых состоит в том, что они воплощаются предложениями, назначением которых является, как правило, утверждение (или отрицание) наличия посессивного отношения или, проще говоря, наличия ситуации владения, обладания. В работе делается упор не столько на обсуждении общетеоретических аспектов проблемы посессивности, стимулируемом материалами языков хинди и русского, сколько лишь на самом сопоставлении этих языков, базирующемся на данных, доступных в прямом наблюдении при обращении к текстам. Анализ при сопоставлении языков ведется преимущественно в направлении от содержания (посессивности) к передающим данное содержание формам (конструкциям предложения).

Материалом для исследования послужили оригинальные (не переводные) произведения художественной литературы на хинди и русском, а также некоторые тексты переводов с хинди на русский и с русского на хинди.

Посессивность в лингвистике

Посессивность² как одна из универсальных понятийных категорий языка означает такое отношение между двумя субстанциями, в котором одна из них мыслится как субъект обладания (possessor, посессор, обладатель), другая — как объект обладания (possessum). Ее можно представить в виде следующей формулы: XRpossY, где Rposs — отношение посессивности, а X и Y — элементы (внеязыковые сущности), связанные этим отношением³.

Имеющая место дискуссионность вопроса о понятии посессивности находит отражение в наличии разных точек зрения о границах посессивности, о соотношении различного рода посессивных моделей в том или ином языке, об аспектах посессивности, среди которых, что убедительно показано [1, с.25–32, 283], особую значимость имеет типологический аспект.

Существуют узкая и широкая трактовка посессивности.

При узкой трактовке понятие посессивности обычно сводится к понятию обладания, собственности. Она присутствует, например, в работе Р. Хокинса, где в приводимых примерах (преимущественно из английского языка) имя посессора представлено, как правило, одушевленным существительным, имя объекта обладания — конкретным (в том числе и одушевленным) существительным [54]. Не выходит за рамки узкой трактовки посессивности М. Хокке, принимая за семантический инвариант этой категории значение способности обладателя располагать (распоряжаться) обладаемым в смысле вносить изменение (перемену) в обладаемое сообразно с качественным своеобразием последнего [55, с.74]. Этому инварианту, согласно его концепции, отвечает помимо идеи владения и собственности отношение части к целому (Teil-von-Relation).

Широкую интерпретацию посессивности предлагает, в частности, «Лингвистический энциклопедический словарь», где основное значение рассматриваемой категории оценивается как определение названия объекта через его отношение к некоторому лицу или предмету [31, с.388]. Показателен в этой связи пример «любитель чтения», приведенный наряду с «книги Петра», «сын Николая», «хвост осла» (М. Хокке, о позиции которого упомянуто выше, не усмотрел бы в «любитель чтения», как, впрочем, и в «сын Николая», значение посессивности). Согласно такой трактовке посессивности соответствующее значение усматривается «не только в словосочетаниях типа *его книга*, но и в словосочетаниях типа *его мужество* (этот пример наиболее показателен для того, чтобы оттенить качественное своеобразие широкой

² В качестве синонима слова «посессивность» (от лат. possessivus — обозначающий принадлежность, притяжательный) используется и термин «притяжательность»).

³ XRpossY трактуют и как воплощаемую в языке обобщенную посессивную модель, где X и Y — это скорее имена членов реляции, а не сами члены реляции, а Rposs — это предикат со значением посессивности [47, с.7; 46, с.124].

трактовки посессивности. — В. Л.), *его рука, его кабинет, его порция каши* [2, с.4].

Несводимость семантической сферы посессивности к значению владения, собственности отстаивает Дж. Р. Тейлор, базируясь в рамках направления лингвистики, известного как когнитивная грамматика, на разборе английских словосочетаний типа *John's book, yesterday's events, the country's president, the train's arrival, the city's destruction, Mary's father, the water's edge* и др., оцениваемых как «средство своеобразным образом идентифицировать референт стержневого имени конструкции через воплощение в имени, наделенном формой генитива, сущности, только схематически представленной в семантической структуре стержневого имени» [71, с.663].

С широким пониманием посессивности не расходится взгляд на нее как на «такое отношение (r) между объектами внешнего мира, при котором один из них (объект обладания, обладаемое R) «включается» в другой (обладатель, посессор Ps), составляя с ним единое физическое и/или функциональное целое» [27, с.44].

С развернутой аргументацией в пользу преодоления узкого понимания посессивности выступает О. Н. Селиверстова. Согласно ее точке зрения, высказанной в виде гипотезы, варианты посессивного отношения сводятся к трем основным случаям, в соответствии с чем объектом посессивного отношения бывает: «1) то, на что распространяется власть посессора (моральная, юридическая, физическая); 2) то, что является частью посессора или частью его существования; 3) то, что несет в себе элемент самого посессора (имеет свойство, существующее как отношение к посессору — *его враг, его друг*)» [40, с.136–137, см. тж. с.20–21, 26, 43]. При этом говорится о возможности подвести эти случаи «под еще более общее понятие: объект посессивного отношения может быть представлен как то, на что в той или иной форме посессор «распространяет» себя (глагол *распространяет* употреблен здесь и в значении «быть распространенным на...»)» [40, с.137].

При широкой трактовке посессивности неизбежно возникает вопрос о внутренней организации зоны посессивного отношения.

С отмеченным выше положением о «включении» обладаемого в обладателя, т. е. R в Ps, увязана возможность представить упомянутую зону «как пространственную концентрическую (антропоцентрическую) структуру, центром которой является человек, его духовное средоточие (ядро), тело, и далее внешнее пространство, также частично присвоенное ядром <...> («посессивное пространство»), а также проекции этой структуры на другие сферы внешнего мира, в результате чего создаются иные типы «посессоров» и соответствующих им пространственных концентрических структур» [27, с.45]. При таком антропоцентрическом представлении об «устройстве» посессивности в центр «посессивного пространства» помещается вариант посессивности, несущий значение неотчуждаемой (внутренне присущей, ингерентной, имманентной) принадлежности, а направление от центра к периферии посессивности выглядит совпадающим с направлением от безусловной неотчуждаемости к безусловной отчуждаемости. В связи с этим встает не-

простая задача — установить градацию вариантов посессивности по степени неотчуждаемости/отчуждаемости объектов обладания.

Однако с точки зрения информативности (информативной роли при коммуникации) языковых структур, обеспечивающих выражение посессивного значения, центральное место в семантической сфере посессивности следует отводить варианту данной категории, связанному с указанием на отчуждаемую принадлежность⁴. Ведь сам факт утверждения посессивного отношения выглядит более естественным и более весомым, когда в это отношение вовлекается отчуждаемый объект, тогда как упоминание о неотчуждаемом объекте, как таковом, легко обуславливается пресуппозицией его существования.

Усматривая в посессивности полевою структуру, Й. Й. Григальонене полагает, что функционально-семантическому полю этой категории присущ один обобщающий семантический элемент, объединяющий все элементы этого поля и представленный в виде вариантов [18, с.246]. Появлению такого взгляда способствует то обстоятельство, что во многих языках наблюдается тождество формальных средств для выражения, казалось бы, разных семантических сущностей — таких, например, как собственно обладание, отношение части к целому, родственные отношения, отношение продукта труда к его создателю.

В русле когнитивной грамматики Дж. Лакоффа и М. Джонсона [30; 59; 60] наметился подход к посессивности как к «эмпирическому гештальту» (experiential gestalt), т. е. основанному на опыте устойчивому образу, складывающемуся благодаря частой совместной встречаемости определенных свойств, набор которых как нечто целое более существен для человеческого опыта, чем случаи их проявления порознь [71, с.663, 679]. Случаи же нарушения (утраты) тех или иных свойств из перечня расцениваются как отклонения от прототипа, как случаи непрототипического обладания при условии того, что сохраняется сходство с прототипом хотя бы по одному из свойств [71, с.680].

В лингвистической литературе отчетливо прослеживается точка зрения, что выражению значения посессивности в наибольшей степени отвечает имя посессора, которым обозначается живое существо или, с большей определенностью, лицо (человек). Так, согласно точке зрения Дж. Р. Тейлора, при прототипическом характере посессивности «посессор является отдельным лицом». А вот формулировка Х. Зайлера: «Субстанция А, именуемая посессором, прототипически наделена признаком [+ одушевленность], более специфично [+ человек] и еще более специфично [+ эго] или нечто близкое говорящему» [69, с.4]. По мнению Т. А. Ивановой, одна из двух субстанций, связанных отношением притяжательности (посессивности), «является одушевленной и определенным образом обладает другой субстанцией (одушевленной или неодушевленной)» [26, с.173].

⁴ Подобной точки зрения придерживается, в частности, К. Г. Чинчлей [46, с.172; 47, с.11; 48, с.157].

Посессивное отношение семантически проявляет себя или в значении обладания (1), или в значении принадлежности (2)⁵. Каждый из этих видов значения находит свое выражение как в предложениях (а), так и в словосочетаниях (б). Примеры:

(1а) *У Петра есть машина*, фр. *J'ai un livre*, англ. *John has an umbrella*, нем. *Mein Freund hat viele Hefte*, лат. *Liber est Marco* (*Marco* — датив) 'У Марка есть книга', хинди *mahila: ke pa:s ek kutta: hai* 'У дамы есть собака';

(2а) *Эта машина Петра*, фр. *Ce livre est à moi*, англ. *The umbrella was John's*, нем. *Diese Hefte gehören meinem Freund*, лат. *Liber est Marci* (*Marci* — генитив) 'Книга принадлежит Марку', хинди *yah kutta: mahila: ka: hai* 'Эта собака дамы';

(1б) *девушка с гитарой, стол с тумбой, девушка в шляпе*; фр. *une maison de trois étages, un album de photographies*; англ. *men in trunks, a man of self-possession*; нем. *ein Mensch von guten Manieren, der Vater mit seinen drei Söhnen*; хинди *kutteva:li: mahila:* 'дама с собачкой', *bhu:ri: tu:MchoM va:la: kisa:n* 'крестьянин с рыжими усами';

(2б) *гитара девушки, тумба стола, шляпа девушки*; фр. *les trois étages de ma maison, les photographies de l'album, l'anse de la théière*; англ. *the men's trunks, Tom's self-possession*; нем. *die Söhne von Otto*; хинди *mahila: ka: kutta:* 'собака дамы', *ba:p ka: ghar* 'дом отца'.

Как видно из примеров, в словосочетаниях, передающих значение обладания (1б), их стержневым (опорным) компонентом является имя субъекта обладания (имя посессора), а в словосочетаниях, несущих значение принадлежности (2б), — имя объекта обладания.

Между некоторыми сущностями, связанными отношением посессивности, можно видеть отношение взаимной принадлежности, обратимости, например: *читатель книги — книга читателя*.

Отношение обладания принимается за частный случай отношения «включения», а отношение принадлежности — за частный случай отношения «вхождения» [27, с.44]. Резонность такого подхода очевидна при узкой трактовке посессивности.

Надо также различать значение собственно принадлежности и значение принадлежности по функции [27, с.50]. Нередки случаи, когда одна и та же конструкция допускает разное толкование, например: *мой дом* — 'дом, который мне принадлежит' или 'дом, в котором я живу'; *его одежда* — 'одежда, которая ему принадлежит' или 'одежда, которую он носит'. Х. Зайлер на примере немецкого словосочетания *Karl's Haus* 'дом Карла' отмечает возможность множества интерпретаций в плане принадлежности по функции: 'дом, где живет или имеет обыкновение жить Карл'; 'дом, который нравится Карлу'; 'дом, куда вечером по пятницам Карл заходит выпить'; 'дом, который Карл рассчитывает построить за пять лет' и т. п. [69, с.40; см. тж. 70,

⁵ Э. Бенвенист, однако, склонен был считать значение принадлежности выходящим за рамки отношения посессивности. Посессивное отношение сводимо им лишь к значению обладания [5, с.212–213].

с.243–244]. Всю сумму подобного рода возможных интерпретаций предлагается называть семантической парадигмой соответствующего словосочетания [70, с.244]. В «функциональную» интерпретацию принадлежности каждый раз вовлекается глагол, по отношению к которому имя посессора мыслится актантом.

Разные виды или степени связанности посессора (обладателя) с объектом обладания принято в лингвистической литературе раскрывать через характеристику принадлежности или обладания.

Так, например, М. Хокке выделяет в рамках узко трактуемой посессивности две основные ситуации: 1) некто владеет чем-либо, не являясь собственником этого чего-то; 2) некто владеет чем-то на правах собственника (т. е. будучи собственником этого чего-то). Соответственно различаются «отношение владения» (*Besitzverhältnis*) и «отношение собственности» (*Eigentumsverhältnis*) [55, с.60–61]. Если, скажем, в предложении *Uwes Auto gehört Anton* первым из этих отношений связаны денотаты имен *Uwe* и *Auto*, а вторым — денотаты имен *Anton* и *Auto*, тогда как в предложении *Anton hat Uwes Auto* представлена обратная ситуация.

Упомянутые «отношение владения» и «отношение собственности» — это нечто близкое тому, что называют *временным* (или *акцидентальным*) и *постоянным* обладанием, приводя для иллюстрации примеры, как, в частности, *Миндэ ат бар* ‘У меня есть лошадь’ (возможно, она не моя) и *Минен атым бар* ‘У меня есть лошадь’ (она моя) в башкирском языке [10, с.32]. В таком же ключе Х. Зайлер говорит об *акцидентальной* связи владения (*possession*), с одной стороны, и о *постоянной* связи принадлежности (*belonging*) или собственности (*ownership*), — с другой, оттенив свою мысль утверждением: *One may possess something without owning it* [69, с.40].

В том же значении, в каком выше говорилось о *постоянном* обладании и/или «отношении собственности», представители психолингвистики Дж. А. Миллер и Ф. Н. Джонсон-Лэйрд используют терминологическое словосочетание «*ингерентное* обладание» [63, с.559]. За фактор, обуславливающий *временное* (акцидентальное) обладание, ими принимается наличие только у данного лица (данных лиц) возможности пользоваться вещью (= объектом обладания) [63, с.563–564]. Такая возможность противопоставляется *позволительности* (*permissibility*), расцениваемой в качестве определяющей специфику *ингерентного* обладания [63, с.564–565]. Помимо *постоянного* (ингерентного) и *временного* (акцидентального) обладания упомянутые исследователи выделяют также *физическое* обладание. В их работе обладание как вид отношения ставится в один ряд не только с *местоположением*, но и с *отношением части к целому*, с *отношением родства* [63, с.562, 563], что согласуется, как нам представляется, с узким пониманием посессивности.

Принадлежность поддается дифференциации в зависимости от характера (свойств) объекта обладания. Так, например, высказано мнение, что она проявляется или как *абсолютно неотчуждаемая* (*его глаза*), или как *относительно неотчуждаемая* (*его усы*), или как *оказионально неотчуждаемая* (*его*

дача), или как собственно отчуждаемая (*ego wagon*) [14, с.19–26; 17, с.6; 27, с.70]. Соответствующие названия применимы и к самим объектам обладания (см., например, сочетание «имя абсолютно неотчуждаемого объекта обладания», которое, кстати сказать, легко заменяется более простым «имя абсолютно неотчуждаемой принадлежности»).

В качестве синонимов прилагательных «неотчуждаемый» (*inalienable*) и «отчуждаемый» (*alienable*) употребительны «неотторжимый» (*inseparable*) и «отторжимый» (*separable*) с естественным распространением синонимии на соответствующие производные существительные (например: «неотчуждаемость» — *inalienability* и «неотторжимость» — *inseparability*).

В круг имен неотчуждаемой (неотторжимой) принадлежности обычно зачисляются названия частей тела, имена родства, названия абстрактных сущностей, проявляющих себя в качестве характеризующих лицо констант, названия всего того, без чего посессор не может обходиться [24, с.295; 27, с.46–48, 66–69; 64, с.568, 572]. За пределы этого круга не выходят имена объектов обладания — членов посессивного отношения, именуемого иногда ингерентным или имманентным. Так, в частности, примерами *Marci pater* ‘отец Марка’ и *Marci liber* ‘книга Марка’ иллюстрируется положение о немаркированности латинского генитива именно по признаку «ингерентность/неингерентность» [69, с.40], за «имманентную, т. е. неотделимую от владельца» принимается посессивность, которая содержится «в названиях родства, в названиях частей тела, в некоторых определениях социальных отношений и т. п.» [36, с.172], под имманентную посессивность подводится отношение части к целому [48, с.154].

Четкую позицию в данном вопросе занимает Х. Ч. Панде. Имея в виду случаи языкового выражения ситуации владения, он различает следующие виды принадлежности (*sambaddhata*): 1) имущественную (*sampattimu:lak*, *sva:mitvamu:lak*), или юридическую (*vidhimu:lak*), 2) органическую (*angmu:lak*), 3) генетическую (*vanshmu:lak*), 4) партонимическую (*pu:rNa:nshmu:lak*) [35; 65]. Первая из них связывается с обозначением отношения, при котором обладаемое принадлежит обладающему как его имущество, вторая — отношения органов тела к живому существу, третья — отношения родства, четвертая — отношения, существующего между частью и целым [35, с.328, 329, 330]. Органическая, генетическая и партонимическая принадлежности расцениваются как неотчуждаемые [35, с.331]. Понятие принадлежности он не распространяет на психические характеристики, а также физические и душевные состояния индивида, но считает эти сущности входящими в понятие посессивности [35, с.332].

В таких предложениях, как *У меня есть книга, Иван владеет домом, Петру принадлежит земельный участок, Профессор обладает эрудицией, Директор располагает свободным временем*, налицо предикаты посессивности, т. е. предикаты, которые самым непосредственным образом в силу своего лексического значения сигнализируют о наличии посессивного отношения между референтами имен. Однако отношение посессивности может найти выражение и в предложениях, где глагольный предикат, синтаксически

связанный с соответствующими именами, предикатом посессивности не является. Применительно к именам таких предложений целесообразно, вслед за А. В. Головачевой [15, с.8–9], говорить об их согласованности по посессивности. Например, в предложениях *Иван разорвал Петру рубаху*, *У стула отломилась ножка*, *Анна встала спиной к двери*, *Петр поднял руку* по посессивности согласованы *Петр* и *рубаху*, *стул* и *ножка*, *Анна* и *спина*, *Петр* и *рука*. Согласованность по посессивности предстает или как устойчивая (см. приведенные выше примеры), или как неустойчивая (например, *Петр порвал пальто*, *Петра ждут друзья*). Ей, как показывает А. В. Головачева [15, с.9–10], противостоят рассогласованность по посессивности (*Петр украл пальто*), несогласованность по посессивности (*Петр взял карандаш*) и невозможность согласования по посессивности (*Петр увидел солнце*).

В логико-семантическом плане важно различать два рода случаев: 1) посессивное отношение утверждается; 2) наличие посессивного отношения задается пресуппозицией.

Случаям первого рода отвечают такие предложения, как, например, *У Петра есть машина* (утверждается факт обладания в виде сообщения о существовании одного из предметов речи в качестве объекта обладания при пресуппозиции существования посессора) и *Эта машина Петра* (утверждается на базе пресуппозиции существования связываемых посессивным отношением предметов речи факт принадлежности). См. также другие примеры, помещенные выше в рубриках (1а) и (2а).

Реализацию второй возможности — с пресуппозицией отношения посессивности — иллюстрируют такие примеры: *Машина Петра стояла у ворот*, *Шляпа девушки еще совсем новая*, *Из окна выглянула девушка в шляпе* (в атрибутивных словосочетаниях двух первых примеров заключено значение принадлежности, в сочетании *девушка в шляпе* последнего примера налицо значение обладания).

Наличие посессивного отношения носит характер пресуппозиции в предложениях, где актанты глагола, не являющегося предикатом посессивности, оказываются по посессивности согласованными: *Ветер бил ему в лицо*, *Иван разорвал Петру рубаху*, *Проситель вбежал к директору в кабинет*, *Внук тербил деда за бороду*, *У меня болит голова* (он, *Петр*, *директор*, *дед*, *я* — «обладатели»; *лицо*, *рубаху*, *кабинет*, *борода*, *голова* — «объекты обладания»).

Хинди и русский — Е-языки

Важная типологическая черта языков определяется в сфере выражения посессивности тем, какой из глаголов-предикатов участвует в строении конструкций, утверждающих посессивное отношение (с семантикой обладания): переходный глагол типа «иметь» или непереходный глагол типа «быть». На

этом основании принято, вслед за А. В. Исаченко [56], различать Н-языки (лат. *habere* ‘иметь’) и Е-языки (лат. *esse* ‘быть’).

По данному параметру русский язык явно тяготеет, а хинди безусловно принадлежит к Е-языкам в отличие, скажем, от таких хорошо известных языков, как французский, английский, немецкий, персидский: *У меня есть книга, mere pa:s ek kita:b hai ~ J'ai un livre, I have a book, Ich habe ein Buch, mǎn kutaб дарǎм (быть, hona: ~ avoir, have, haben, даштǎн).*

Исследователи полагают, что в истории языков (во всяком случае индоевропейских) развитие шло в направлении от конструкций с глаголом типа «быть» к конструкциям с глаголом типа «иметь» (например, в латинском языке *Johannes habet librum* считается результатом позднейшего развития из *Est Johanni liber* [5, с.212; 29, с.415–416]). Предполагается, что в истории русского языка имело место вторичное распространение глагола *быть* за счет глагола *иметь* [11, с.349]. А вот конструкции с глаголами типа «быть» соответственно из ведийского языка, пали и праkritа: [*áhar*] *devá:ná:m á:si:d* ‘[день] был у богов’ (= ‘принадлежал богам’) [22, с.386], *tassa [ratana:ni] bhavanti* ‘у него есть [сокровища]’ [23, с.113], *ko me atthi tti jampama:Na:* ‘Говорящая: «Кто у меня есть?»’ [9, с.90]. Они свидетельствуют о стойкой приверженности индоарийских языков к Е-языкам. По указанному параметру могут расходиться близкородственные языки. Так, например, литовский относят к Н-языкам, а латышский — к Е-языкам [6, с.108; 7, с.209].

В хинди глаголом типа «быть», определяющим в значительной мере строение предложений, передающих значение посессивности, является глагол *hona:*. Он характеризуется рядом особенностей: 1) его формы образуются от трех основ — а) *h-*, б) *th-*, в) *ho-/hu:- (hu-)*⁶; 2) в отличие от всех других глаголов только он располагает простой (не аналитической) формой настоящего времени, или простым презенсом (с основой *h-*), и простой формой прошедшего незавершенного времени, или простым имперфектом (с основой *th-*); 3) он, имея широкую сферу функционирования, обнаруживает способность выступать в качестве: а) полнозначного (автосемантического) глагола; б) глагола-связки; в) модального глагола; г) вспомогательного глагола (в составе аналитических форм от смысловых глаголов); д) компонента непереходных сложных отыменных глаголов.

Вся гамма значений, передаваемых при употреблении глагола *hona:* в качестве полнозначного, сводится к следующим основным значениям как внутренне ему присущим: «существовать», «находиться», «происходить», «появляться». Первым из этих значений глагол *hona:* характеризуется в бытийно-пространственных и экзистенциальных предложениях, и именно на это значение, обнаруживаемое у него в таких формах, как простой презенс и простой имперфект изъявительного наклонения, будущее I, простая форма (настояще-будущее время) сослагательного наклонения, простая форма условного наклонения, опирается его участие в строении предложений, нацеленных в рамках пропозиции на утверждение (или отрицание) факта обладания (или, иначе говоря, наличия ситуации обладания, а не ее возникновения, прекращения, продолжения, развертывания в данный момент), т. е. в строении предложений, имеющих смысл «У X-а {*есть, был, будет, чтобы был, был бы*} Y».

⁶ В инфинитиве — *hona:* — алломорфом *ho-* представлена последняя из основ.

В посессивных конструкциях языка хинди предикативная связь устанавливается, внешне проявляясь в координации, между глаголом *hona:* в его финитной форме и выступающим в прямом падеже именем объекта обладания, или Принадлежностью. Другой непрременный именной компонент посессивных конструкций — имя субъекта обладания, или Посессор, — употребляется в косвенном падеже, получая разное послеложное оформление. И именно послеложное оформление Посессора кладется в основу разграничения посессивных конструкций, поскольку оно имеет прямое отношение к семантической дифференциации предложений, передающих значение посессивности.

К посессивным принято относить следующие конструкции (с указанием на послелог — компонент падежно-послеложной формы Посессора):

- (1) *ka:*-конструкцию (*buRhiya: ka: ek beTa: hai* ‘У старушки есть сын’);
- (2) *ke*-конструкцию (*shya:m ke ek mitra hai* ‘У Шьяма есть друг’);
- (3) *ke-pa:s*-конструкцию (*laRke ke pa:s ek kita:b hai* ‘У мальчика есть книга’);
- (4) *ko*-конструкцию (*bacce ko bukha:r hai* ‘У ребенка есть жар’);
- (5) *meM*-конструкцию (*kamre meM darva:za: hai* ‘В комнате есть дверь’)⁷.

В конструкции (1) послелог *ka:* согласуется в рамках адъективной парадигмы словоизменения с именем объекта обладания, или Принадлежностью, представляя в следующих формах: *ka:* (м. р. ед. ч.), *ke* (м. р. мн. ч.), *ki:* (ж. р.). Таким образом имя субъекта обладания, или Посессор, оказывается в этой конструкции оформленным по образцу приименного субстантивного определения (ср., например, *kisa:n ka: beTa:* ‘сын крестьянина’, *kisa:n ke beTe* ‘сыновья крестьянина’, *kisa:n ki: beTi:* ‘дочь крестьянина’, *kisa:n ki: beTiya:M* ‘дочери крестьянина’ и *accha: beTa:* ‘хороший сын’, *acche beTe* ‘хорошие сыновья’, *acchi: beTi:* ‘хорошая дочь’, *acchi: beTiya:M* ‘хорошие дочери’), и поэтому самую эту конструкцию можно условно именовать генитивной. На ее фоне конструкция (2) будет восприниматься как косвенно генитивная, если расценивать послелог *ke* как застывшую форму (косв.п. м.р.) послелога *ka:*, оторвавшуюся от парадигмы словоизменения последнего⁸, а конструкцию (4), где фигурирует послелог *ko* — примета направительной (дательновинительной) падежно-послеложной формы имени, можно условно назвать дативной.

Предложения, воплощающие конструкцию (1), в структурном отношении выглядят как экзистенциальные предложения. В отличие от них в предложениях, воплощающих конструкции (2) и (4), проступают черты бытийно-

⁷ Вопрос о данных конструкциях затрагивается под тем или иным углом зрения во многих работах по хинди (и урду). См., в частности, работы В. А. Чернышева [44, с.92–93], Э. Г. Бендикса [50, с. 82–95], Ямуны Качру [57, с.41–45; 58 с.109–110], Р. С. Мак-Грегора [62, с.52–53], К. П. Масики [61, с.168], Х. Ч. Панде [65], где высвечены отдельные семантические черты конструкций.

⁸ Конструкция (1) и конструкция (2) формально не отличимы друг от друга, когда имя объекта обладания, принадлежащее к мужскому роду, наделяется граммемой множественного числа.

пространственных предложений, но лишь в той мере, в какой падежно-последложные формы *N-ke* и *N-ko* могут характеризоваться «локальной» функцией, как это видно в следующих примерах: *kaha:M rah gai: thi:?* — *shi:la: ke cali: gai: thi:* (JT, 14) ‘— Где ты задержалась? — Заходила к Шиле’, *uske ba:d sab numa:inde apni:-apni: riporT dene apne daftaroM ko cale gae...* (KE,79) ‘Затем все корреспонденты разошлись по своим редакциям готовить сообщения...’. Сходство в строении с бытийно-пространственными предложениями, имеющими неопределенное имя-подлежащее, обнаруживается у предложений, воплощающих конструкции (3) и (5), где Посессор оформляется локативными послелогом: соответственно сложным послелогом *ke pa:s* ‘у’, ‘около’, ‘возле’, ‘близ’, ‘при’ (компонент *ke* данного послелого восходит к послелогу *ka:*) и «инессивным» послелогом *meM* ‘в’ (приметой внутренне-местной падежно-последложной формы имени).

Чисто «локальное» функционирование послелогов *ke pa:s* и *meM* представлено, например, в следующих предложениях с *hona:* — глаголом, который используется в посессивных конструкциях: *maiM ne a:shcarya se kaha: — parantu vah to bahut u:Mce par hai: mahendra ne kaha: — parantu us ke pas: hi: ek bandar hai* (SA, 21) ‘«Но она (кисть плодов. — В. Л.) уж очень высоко», — промолвил я изумленно. «Однако как раз возле нее находится обезьяна», — ответил Махендра’, *ghar meM ek hi: phu:l ki: tha:li: thi:* (PG,40) ‘В доме была одна-единственная латунная тарелка...’. Равнозначны с послелогом *ke pa:s* далеко не столь употребительные послелог *ke yaha:M* и *ke ha:M*. В общем же появление семы «обладание» в понятийной зоне локализованного бытия обуславливается соотношением лексических значений именных компонентов предложений при том, что конститутивно нейтральному порядку слов отвечает начальная позиция компонента, претендующего на роль Посессора в качестве темы сообщения. Показательны, в частности, личные имена в роли Посессоров. В предложениях же типа *kamre meM darva:za: hai* ‘В комнате есть дверь’, *is kamre meM do khiRkiya:M haiM* ‘В этой комнате два окна’ посессивное отношение базируется на том, что двери и окна являются конструктивными элементами комнат.

Разумеется, и в посессивных конструкциях действует общее для хинди правило замещения позиции *N-{ka:, ke, ki:}* и *N-ke* (включая случай с *N-ke-ra:s*) притяжательным местоимением и, что касается конструкции (4), нет запрета на использование местоименной формы объектного (направительного, дательного-винительного) падежа вместо падежно-последложной формы на *ko* соответствующего местоимения.

В семантической структуре русского глагола *быть* выделяются шесть крупных групп значений и одной из них представлены посессивные значения [3, с.131]. Конструкция, состоящая «из глагола *быть*, предлога *у* с родительным падежом имени посессора и именительного падежа имени объекта обладания» выступает в русском языке как основная глагольная посессивная конструкция, выражающая значение обладания, внутри которой «посессивное значение у генитива с предлогом *у* развилось из локативного, пространственного значения в результате постепенного семантического преобразования экзистенциальных конструкций с локативным определением, выраженным предлогом *у* и родительным падежом» [27, с.172]. Ее иллюстрируют, в частности, такие примеры: *У каждого человека есть свой идеал* (И. Тургенев), [Кулыгин:] *У Натальи Ивановны есть свой женишок*

(А. Чехов), ...да притом у меня есть лакеи и деньги! (М. Лермонтов), [Осип:] У меня есть ноги: я и постою (Н. Гоголь), [Маша:] У вас были тогда только усы... (А. Чехов), У меня точно был маленький жар... (Л. Толстой), У меня была только синяя краска... (Л. Толстой), — Если б у меня был табун в тысячу кобыл, — сказал Азамат, — то отдал бы тебе его весь за твоего Карагёза (М. Лермонтов), У него было два сына (А. Чехов), ...и будет у тебя такая же строптивая дочка, как у меня (А. Чехов).

Форма настоящего времени *есть* (см. выше первые четыре примера) глагола *быть* такова, что в ней граммемная наполненность стоящих в именительном падеже имен объекта обладания (со стороны категорий рода и числа существительных, а также лица и числа местоимений) не получает отражения. Она к тому же бывает эксплицитно не выраженной, так что предложения, воплощающие посессивную конструкцию, предстают отвечающими уже не формуле *У X-а есть Y*, а формуле *У X-а Y* (или *У X-а Ø Y*), например: *У его отца в Харькове большой дом и под Харьковом имение* (А. Чехов), — *У моего отца здесь дело, — продолжал он, перепрыгивая через канаву* (И. Тургенев), ...и у ней дочка очень хорошенькая... (Н. Гоголь), *У нас много медиков, фармацевтов, юристов...* (А. Чехов), ...у нас сливки славные — не то что в ваших Лондонах да Парижах (И. Тургенев), *Я, и не щупая, скажу тебе, что у меня жар* (И. Тургенев), *Мне кажется, у него большие способности к музыке* (И. Тургенев), [Хлестаков:] *У меня легкость необыкновенная в мыслях* (Н. Гоголь), — *У меня к вам опять вопрос, — сказал он* (С. Антонов).

Показательно семантическое разнообразие (большой разброс в лексическом значении) имен объекта обладания (см. выше: *женишок, лакеи и деньги, дочка, два сына, много медиков; ноги, усы; краска, табун, имение, сливки; дело, способность, легкость, вопрос*) при личных Посессорах с предлогом *у*.

При отрицании конструкция видоизменяется:

(1) или форма *есть* (включая в какой-то мере и ее нулевой вариант) глагола *быть* заменяется словом *нет*;

(2) или в сочетании с отрицательной частицей *не* глагол *быть* выступает как безличный глагол, т. е. принимает форму, совпадающую (при учете максимального числа граммем) с формой 3-го лица единственного числа среднего рода;

(3) в том и другом случае имя объекта обладания принимает форму родительного падежа.

См. элементарные примеры: *У меня есть велосипед — У меня нет велосипеда, У тебя жар — У тебя нет жара, У вас {буду, был} я — У вас {не будет, не было} меня, У него будет {сад, дача, поместье} — У него не будет {сада, дачи, поместья}, У нас {будут, были} {деньги, друзья, книги, возражения} — У нас {не будет, не было} {денег, друзей, книг, возражений}*. См. также следующие примеры: *У меня тоже нет денег, а у тебя есть, Дубков?* (Л. Толстой), *Слава богу, у меня нет дочерей!* (М. Лермонтов), [Нина:] *Вы заработались, и у вас нет времени и охоты сознать свое значение* (А. Чехов), *А главное, что хуже всего, у нее уже не было никаких мнений*

(А. Чехов), ...но у него не было времени и всех остальных условий для того, чтобы серьезно заняться мною (М. Горький).

Ниже конструкции языка хинди, перечисленные выше, проиллюстрированы типичными примерами, где именем посессора обозначается лицо:

конструкция (1), т. е. *ka*-конструкция: *ek thi: buRhiya:, uska: ek beTa: tha:* (SV2,16) 'Жила-была старушка, у нее был сын' (букв. '...ее один сын был'), *unki: baRi:-baRi: mu:McheM thi:M* (НК, 1961.XI, 23) 'У него были длинные усы', *Tha:kur ka: a:li:sha:n maka:n tha:* (AY 1, 2) 'У помещика был великолепный дом', *kisi: samay uski: bhi: kai: na:veM thi:M, naukar the, par jue meM sab uR gaya:* (GS,13) 'Когда-то и у него было несколько лодок, были слуги, но из-за его страсти к азартным играм все пошло прахом', *bha:i: sa:heb ki: unse dosti: hai:...* (VB, 276) '[Мой] почтенный брат дружен с ним...' (букв. 'Брата с ним дружба есть...'), *unki: antarra:STri:ya khya:ti thi:* (VB, 678) 'Он пользовался мировой славой' (букв. 'Его международная слава была');

конструкция (2), т. е. *ke*-конструкция: *ek ra:ja: tha:. uske ek laRki: thi: uske ra:ja meM ek bra:hman tha:. uske beTa: tha:* (AY 2, 29) 'Жил-был раджа. У него была дочь. В его владениях жил-был брахман. У того был сын', *ma:lu:m hota: hai ki ka:yar ke bhi: kuch dil hai* (AA, 100) 'Сдается [мне], что у труса тоже есть какое-никакое сердце' (в имеющихся грамматических трудах данную конструкцию иллюстрируют и такими примерами: *maha:jan ke bahut dhan hai* 'У ростовщика много добра' [52, с.438], *si:ta: ke do ga:eM haiM* 'У Ситы есть две коровы' [57, с.41] или применительно к урду *kari:m ke 'aql hai* 'У Карима есть ум' [53, с.37]).

конструкция (3), т. е. *ke-pa:s*-конструкция: *unke pa:s ek vicitra aMgu:Thi: hai* (SV 1,6) 'У него есть удивительный перстень', *unke pa:s do TrakeM thi:M* (YB, 401) 'У него было два грузовика', *ek kisa:n tha:. uske pa:s ek beroM ka: ba:g tha:* (BLK, 421) 'Жил-был крестьянин. У него был ююбовый сад', *amma: ke pa:s to do lauMDiya:M haiM* (GS, 22) 'У матушки две служанки', *mere pa:s bahut samay hai* (AN, 102) 'У меня достаточно времени', *uske pa:s ba:hu-bal tha:, aur rupaya: tha:, aur a:dmi: the* (ST, 102) 'У него была и сила в руках, и деньги имелись, и люди были', *tumha:re pa:s iska: kya: prama:N hai?* (ST, 234) 'Каковы у вас доказательства этого?', *jhuniya: ke pa:s iska: koi: java:b na tha:* (PG, 279) 'У Джхунии на это ответа не было';

конструкция (4), т. е. *ko*-конструкция: *un sab ko pahli: ta:ri:kh par a:patti thi:...* (BD, 63) 'У них всех первое число вызывало возражение...' (букв. 'Им всем на первое число возражение было...'), *ek ra:ja: tha:, use shika:r khelne ka: bahut shauk tha:* (BLK, 459) 'Жил-был раджа, и у него была страсть к охоте', *nirmala: ko pati se saha:nubhu:ti thi:* (PN, 125) 'Нирмала сочувствовала мужу' (букв. 'Нирмале к мужу сочувствие было'), ...*unheM na:garik ji:van se bhi: ghRINa: thi:* (ST, 100) '...у него было отвращение и к городской жизни', *tujhe ma:ta:-pita: se prem tha:, pati par shraddha:* (ST, 85) 'К родителям я питала (букв. мне... была) любовь, к мужу — почтение', *a:j tak use bacne ki: kuch-na-kuch a:sha: thi:* (PN, 174) 'До сегодняшнего дня у него была кое-какая надежда на спасение', *logoM ko baRi: kaSTa tha:* (ND, 70) 'Людям при-

ходило́сь совсем неле́гко’ (букв. ‘Лю́дям т́яжелое страдание́ было’), *tujhe polhora:m par na:z hai...* (BD, 22) ‘Я горжусь Польшора́мом...’ (букв. ‘Мне на Польшора́ма гордость́ есть...’).

конструкция (5), т. е. *meM*-конструкция: *kisa:nom meM isse bha:ri: asantoS hai* (ND, 122) ‘Крестья́не этим́ весьма́ недово́льны’ (букв. ‘В крестья́нах от этого́ большо́е недово́льство́ есть’), *logoM meM a:pke prati asi:m a:dar hai* (KE, 67) ‘У лю́дей (букв. в лю́дях) безграницо́е к вам ува́жение’, *itna: hi: nahi:M, usmeM aur bhi: kai: guN the* (ST, 18) ‘И это́ не всё. У него́ (Садхура́ма. — В. Л.) были́ и еще́ кое-какие́ досто́инства’, *ek ra:jkuma:r aur mantri: ke beTe meM gahri: mitrata: thi:* (BLK, 180) ‘Одна́жды кре́пко дружи́ли царе́вич и сын́ минис́тра’ (букв. ‘В царе́виче́ и сыне́ минис́тра кре́пкая дру́жба была́’), *phir bhi: usta:d meM himmat thi:* (US, 67) ‘Одна́ко у учите́ля было́ мужество́’, *usmeM samajh hai, buddhi hai, jñā:n hai...* (KE, 99) ‘У него́ (челове́ка. — В. Л.) есть́ разу́м, есть́ рассу́док, есть́ знани́е...’

Выбор формы для имени посессора, определяющей облик той или иной конструкции из упомянутых выше, во многом зависит от семантики (лексического значения) имени объекта обладания, что подтверждается такими примерами:

(1) ... *aur kahte-kahte unhoM ne sulta:n ki: or se is tarah muMh moR liya: jaise unka: usse kabhi: koi: sambandh hi: na tha:* (ST, 105) ‘... и с этими́ сло́вами он отверну́лся от Султа́на (от коня́ по кличке́ Султа́н. — В. Л.) так, словно́ нико́гда и не имел́ отноше́ния (букв. его́ ... отноше́ние не было́) к нему́’, *kintu ga:Mv ke java:nom ki: aur hi: ra: y thi:* (HK, 7) ‘Одна́ко у молоде́жи дере́вни было́ совсем́ иное́ мнени́е’;

(2) *ek lakaRha:re ke sa:t putriya: M thi:M* (AK, 72) ‘У одного́ дровосе́ка было́ семь́ доче́рей’, *ek tha: ra:ja: uske chaH ra:ni: thi:M* (BLK, 105) ‘Жил-был́ ра́джа. У него́ было́ ше́сть ра́ни’;

(3) *har laRki: ke ra:s fa:rm tha:* (KE, 136) ‘У каждо́й дево́шки был́ бланк’, *sab laRkoM ke ra:s kuch-na-kuch pais e the* (GS, 33) ‘У всех́ мальчи́ков импе́лась кое-ка́кая мело́чь’;

(4) *kaimp ke prabandhakoM ko pi:Rit striyoM ke prati saha: nubhu: ti thi:* (YB, 118) ‘Устроите́ли лаге́ря [бе́женцев] испыты́вали к несча́стным же́нщинам чу́вство и́скреннего́ состра́дания’ (букв. ‘Устроите́лям ... состра́дание́ было́’); *tujhe a:sha: hai, a:pke a:tithya karta: seTh mansukhla:l ko koi: a:patti nahi:M hogi:* (KE, 112) ‘Я наде́юсь (букв. мне́ наде́жда́ есть), что у ва́шего гостепри́имного́ хозя́ина сет́ха Мансу́кхлала́ (букв. сет́ху Мансу́кхлала́) не бу́дет возра́жений’;

(5) *un meM a:ndolan ko phir se cala:ne ka: koi: utsa:h nahi:M tha:* (VB, 563) ‘Они́ уже́ не го́рели же́ланием́ снова́ разверну́ть дви́жение’, ... *aur us meM itni: shakti bhi: na thi: ki uThkar muMh-ha:th dho Da:le* (PN, 107) ‘... а у него́ большо́е не было́ сил́ даже́ для́ того́, чтобы́ встать́ и умы́ться’.

Семантическая сторона отмеченных конструкций языка хинди с именем посессора, обозначающим лицо (лиц), обобщена в следующих положениях.

1. Отличительным признаком предложений, воплощающих *ko*-конструкцию, является значение независимости состояния посессора как лица-реципиента от его воли.

2. Различие в плане содержания между предложениями, манифестирующими *ke*-конструкцию, с одной стороны, и *ke-pa:s*-конструкцию, — с другой, связано в первую очередь с разграничением соответственно неотчуждаемых и отчуждаемых объектов обладания: *N-ke* обозначает обладателя неотчуждаемого объекта, тогда как *N-ke-pa:s* указывает на лицо — обладателя такого объекта, который при условии своей материальности мыслится отчуждаемым⁹.

3. Предложения, воплощающие *ka*:-конструкцию, или оставляют невыраженным значение независимости состояния посессора-реципиента от его воли (этим они отличаются от предложений с *N-ko*), или располагают таким семантическим признаком, как непреходящий характер обладания (в силу этого они, с одной стороны, отличаются от предложений с *N-ke-pa:s*, а с другой стороны, оказываются способными покрывать всю семантическую зону предложений с *N-ke*, связанных, как было упомянуто выше, с передачей значения неотчуждаемости объекта обладания).

4. Если *ke*-конструкция тяготеет к выражению отношения родства и отношения части к целому, то *ka*:-конструкция и *ke-pa:s*-конструкция находят применение для выражения имущественного отношения, причем первой из них отдается предпочтение тогда, когда под объектом обладания разумеется недвижимое имущество, а второй — тогда, когда именем объекта обладания обозначается предмет движимого имущества¹⁰.

5. В предложениях, воплощающих *meM*-конструкцию, в позицию имен объекта обладания попадают слова, которыми обозначаются эмоциональные реакции или состояния, переживания как проявления душевных свойств личности, факторы интеллектуального или творческого потенциала личности, ее характера или душевного склада, причем среди такого рода предложений выделяются предложения с «коллективным» Посессором, а также предложения, где в позиции *N-meM* имени посессора допустимо употреблять *N-ke* {*man, dil, hRIday*} *meM* (см. *man* ‘душа’, *dil* ‘сердце’, *hRIday* ‘сердце’) — словосочетание локативного значения («в душе кого-л.», «в сердце кого-л.»).

Границы между конструкциями оказываются, однако, в плане содержания размытыми в той мере, в какой при одном и том же имени объекта обладания допускается различное оформление имени посессора, например:

jauga:m ki: ek aur a: dat bhi: thi: (BD, 104) ‘У Джайрама была еще одна привычка’ — logoM ko paRhne ki: hi: a: dat hi: nahi:M hai (RA, 333) ‘У людей нет даже привычки читать’ — siya:ra:m meM ka:T-kapaT ki: a: dat na thi: (PN, 178) ‘Сиярам не имел обыкновения обманывать’;

⁹ Для объектов обладания, не наделенных признаком материальности, или вещественности, признак «отчуждаемый/неотчуждаемый» представляется несущественным.

¹⁰ На данном семантическом различии между *ka*:-конструкцией и *ke-pa:s*-конструкцией заострил свое внимание Х. Ч. Панде в статье, посвященной в основном рассмотрению характерных для хинди способов выражения генетической (*vanshmu:lak*) и имущественной (*sampattimu:lak*) принадлежности [65, с.9].

us ke pa:s rupaye ki: kami: na thi: (ST, 42) ‘У нее не было недостатка в деньгах’ — unheM (= un ko. — В. Л.) rupaya:-paisa: ki: kami: nahi: (ST, 76) ‘У него нет недостатка в деньгах’;

is ki: ek bahut la:Rli: beTi: thi: (BLK, 100) ‘У него была горячо любимая дочь’ — is ra:ja: ke ek guNva:n beTi: thi:... (SV 2, 33) ‘У этого раджи была замечательная дочь...’;

a:j us ki: ja:ne ki: iccha: nahi:M thi: (HG, 108) ‘Сегодня у нее не было желания идти’ — ... par ab ma:lti: ko na vishra:m ki: iccha: thi:, na lauTne ki:(PG, 81) ‘... но теперь у Малти не было ни желания отдохнуть, ни желания возвратиться’.

Но при этом бывают случаи, когда оформление имени посессора обнаруживает зависимость от того, в какой форме выступает распространяющий конструкцию именной компонент, а также и от грамматических свойств распространяющего компонента:

is tote par us ka: baRa: sneh tha: (SV 2, 34–35) ‘Этого попугая она очень любила’ — use laRkoM se sacmuc sneh tha: (PN, 74) ‘Она действительно любила этих мальчиков’ (см. *sneh* ‘любовь’, ‘привязанность’, ‘нежность’);

uski: a:MkhoM meM a:Msu: the, parantu unki: or kisi: ka: dhya:n na tha: (ST, 240) ‘На глаза его навернулись слезы, но на них никто не обращал внимания’ (букв. ‘... к ним чьего-либо внимания не было’) — gangdatta ko jñā:n ka: itna: dhya:n nahi:M tha: (UK, 71) ‘Гангдатта не уделял познанию столько внимания’;

is ghar par hama:ra: koi: adhika:r nahi:M hai (PN, 87) ‘В этом доме с нами не считаются’ (букв. ‘На этот дом нашего какого-либо права нет’) — kisi: ko bolne ka: adhika:r nahi:M hai (PN, 32) ‘Никто [здесь] не имеет права говорить’.

Семантическая грань между конструкциями остается довольно ощутимой, когда имя объекта обладания, будучи многозначным, предстает в разных значениях, например: *sangi:t par su:rda:s ka: adbhut adhika:r tha:* (TS, 58) ‘Сурдас был чрезвычайно искусен в музыке’ (букв. ‘Над музыкой Сурдаса необычайная власть была’ — *ba:dsha:h ko khaza:ne ki: ek kauRi: bhi: niji: kharc meM la:ne ka: adhika:r na tha:* (PG, 95) ‘Император не имел права тратить на себя ни единого гроша из казны’.

В предложениях, воплощающих *ka:-*конструкцию, заметна тенденция помещать распространяющий конструкцию компонент в позиции перед именем посессора.

В контексте сказанного не остается в стороне и вопрос о литературной норме. Так, Кишоридас Ваджпейи, полемизируя в одной из своих работ с Рамчандрой Вармой, утверждал, что в предложениях *un ko samjhaute ki: a:sha: nahi:M* ‘У них нет надежды на соглашение’, *un ko yuddha ki: a:shanka: thi:* ‘Они боялись войны’ (см. *a:shanka:* ‘страх’, ‘боязнь’), *un ko miTha:i: ki: iccha: nahi:M* ‘Они не хотят сладкого’ (см. *iccha:* ‘желание’) послелог *ko* (в составе *un ko*) не должен подлежать замене послелогом *ka:* (в форме *ki:*, так как существительные *a:sha:*, *a:shanka:*, *iccha:* — женского рода) [72, с. 135]. Я. Качру видит случай свободного варьирования послелогов в *us {meM, ko} dhairyā nahi:M hai* ‘He has no patience’ [57, с.42].

Тесты, осуществленные Э. Бендиксом с информантами – носителями хинди, говорят о том, что семантическое различие между предложениями, отличающимися друг от друга только оформлением Посессора, как правило, полностью не исчезает. Некоторые из тестов позволили выявить, что противопоставляемые друг другу предложения разнятся по смысловым оттенкам [50, с.141–150]; другие тесты показали, что при постулировании возможности нескольких (от двух до четырех) толкований смысла сравниваемых попарно предложений толкование, оказывающееся предпочтительным для одного из предложений пары, не является таковым для другого [50, с.151–159]. Всё это значит, что имя посессора своей формой накладывает отпечаток на семантику предложения, выражающего посессивное отношение.

Межъязыковое соотношение конструкций

Существует целый комплекс причин, почему для выражения смысла предложений, воплощающих посессивную конструкцию одного языка, далеко не всегда используется или может быть использована посессивная конструкция другого языка.

В тех же случаях, когда возможность такого использования конструкций реализуется, на фоне данных языка хинди видна универсальность посессивной конструкции русского языка с Посессором в родительном падеже с предлогом *у*, а на фоне данных русского языка — семантическая дифференциация посессивных конструкций языка хинди.

Первое иллюстрируется почерпнутыми из художественной литературы (оригиналов и их переводов) примерами, где в текстах переводов с хинди упомянутая конструкция русского языка отвечает разным конструкциям языка хинди:

ka:-конструкции: “*miya:M ki: vah ek laRki: thi: na khurshi:d*”, — *maiM ne Thakura:in se kaha:* (РА, 375) — *Ведь у мияна была дочка Хуршид, — напомнил я своей бывшей хозяйке* (букв. я сказал ткакураин) (Р, 311); *nirmala: ki: to koi: bahin hai na?* (РН, 131) — *У Нирмалы есть сестра?* (П, 103); *maiM tumha:ri: beTi: ka: pita: hu:M. mera: us par adhika:r hai* (УВ, 683) — *Да я же отец твоего ребенка* (букв. ‘твоей дочери’)! *У меня право на него* (Я, 514);

ke-конструкции: *ma:nsinh ke a:Th ra:niya:M thi:M, navi:M mRIganayani:* (VM, 247) — *У Ман Сингха было восемь рани, Мриганаяни стала девятой* (ВВ, 185); *tumha:re bi:vi: hai, bacca: hai aur izzat-a:bru: hai* (VB, 115) — *У вас есть жена, сын, есть честь и репутация* (ВБ, 111); *mere koi: santa:n nahi:M hai* (VB, 231) — *... у меня нет наследников ...* (ВБ, 202);

ke-ra:s-конструкции: *shya:mIa:l ke ra:s ka:fi: zami:n-ja:yda:d hai* (VB, 243) — *У Шьямлала достаточно земли и много имущества* (ВБ, 211); *abhi: mere ra:s ka:fi: paise haiM* (РА, 291) — *У меня еще много денег* (Р, 241); *bahut sona:, ca:Mdi:, hi:re, java:hir, moti: haiM uske ra:s* (VM, 127) — *У него (у раджи. — В. Л.) горы золота, серебра и драгоценных камней!* (ВВ, 108);

ko-конструкции: *...use (= us ko. — В. Л.) ek baje koi: bahut hi: aniva:rya ka:m tha:* (УВ, 383) — *У него какое-то дело* (букв. ‘Ему в час какое-то неотложное дело было’) (Я, 302);

meM-конструкции: *... beca:ri: meM afasari: ka: miza:j zara: nahi:M hai* (УВ, 499) — *У Тары* (букв. ‘в бедняжке’. — В. Л.) *не такой характер, чтобы повелевать* (Я, 388).

Второе иллюстрируется примерами, свидетельствующими о том, что упомянутой конструкции русского языка могут в текстах переводов на хинди соответствовать его разные конструкции из числа посессивных:

ka:-конструкция: [Маша:] *У вас были тогда только усы...* (А. Чехов) — [ma:sha:] *tab a:rkI: sirf tu:McheM hi: thi:M...* (СН, 220); *У его отца в Харькове был большой дом и под Харьковом имение* (А. Чехов) — *uske pita: ka: kha:rkov meM ek baRa: maka:n hai aur ra:s meM hi: ja:gi:r hai* (СЛ, 80); *У него*

очень хорошее состояние (Л. Толстой) — *iski: acchi:-kha:si: zami:n-ja:yda:d hai...* (ТВ, 88); У него там небольшое именьице (И. Тургенев) — *vaaha:M unki: ek choTi:-si: zami:nda:ri: hai* (ТР, 51); ... а у этой сестры была дочь Липа, девушка, ходившая тоже на поденку (А. Чехов) — ... *aur is bahan ki: ek laRki: li:pa: thi: jo khud rozanda:ri: ki: mazdu:ri: karti: thi:* (CL, 302); У меня есть друг, по фамилии Самородов (А. Чехов) — *mera: ek mitra hai, iska: na:m hai samorodov* (CL, 310);

ke-конструкция: ...и у ней дочка очень хорошенькая... (Н. Гоголь) — ...*aur uske ek bahut khu:bsu:rat beTi: hai...* (ГК, 356); Глядя на всю его сухую фигуру, не верилось, что у этого человека была жена... (А. Чехов) — *uski: bha:vhi:n a:kRIti se yah prakat nahi:M hota: tha: ki is shakhs ke bhi: patni: hai* (CL, 46);

ke-ra:s-конструкция: У меня была только синяя краска... (Л. Толстой) — *mere ra:s sirf ni:la: rang tha:...* (ТВ, 60); ...да притом у меня есть лакеи и деньги! (М. Лермонтов) — *phir ha:vi: hone ke lie mere ra:s arne naukar haiM, giraaya: hai* (ЛН, 104); У нас много медиков, фармацевтов, юристов... (А. Чехов) — *hama:re ra:s asankhya Da:kTar, rasa:yan-sha:stri:, vaki:l haiM...* (СК, 111) [*ke-yaaha:M*-конструкция в качестве эквивалента *ke-ra:s*-конструкции: ...у нас сливки славные — не то что в ваших Лондонах да Парижах (И. Тургенев) — ...*hama:re yaaha:M baRi: sva:diSTa kri:m hai, vaisi: nahi:M jaisi: tumha:re landanoM aur perisoM meM milti: hai* (ТК, 37)];

ko-конструкция: Я, и не щупая, скажу тебе, что у меня жар (И. Тургенев) — *na:Ri: dekhe bina: maiM a:pko bata: sakta: hu:M ki mujhe* (= *mujh ko*. — В. Л.) *bukha:r hai* (ТР, 363); У меня точно был маленький жар... (Л. Толстой) — *dar-asal mujhe halka:-sa: bukha:r hai...* (ТВ, 130–131); ... а у этих и к оружию никакой охоты нет... (М. Лермонтов) — *in logoM ko hathiya:roM meM jaise koi: dilcaspi: hi: nahi:M hai* (ЛН, 18);

meM-конструкция: Мне кажется, у него большие способности к музыке... (И. Тургенев) — *maiM samajhti: hu:M ki un meM sangi:t ki: baRi: pratibha: hai...* (ТК, 119); ... но у тебя есть один важный недостаток (А. Чехов) — ... *lekin tum meM ek bahut baRa: doS hai* (CL, 135); У вас есть удивительное, редкое качество — откровенность (Л. Толстой) — *a:p meM ek apokha: guN hai — do-Tu:k ba:t karne ka:* (ТВ, 267).

Присущая языку хинди *ke-ra:s*-конструкция и отмеченная выше посессивная конструкция русского языка близки друг другу в том, что употребляемые в них с именем посессора служебные слова (послелог *ke-ra:s*, предлог *у*) имеют сходную семантическую структуру, опирающуюся на способность передавать конкретно-пространственное отношение (в адессивном варианте).

В этом же плане сопоставления языков аналог *meM*-конструкции языка хинди можно видеть воплощенным в следующих русских предложениях: *И то же в вас очарованье...* (Ф. Тютчев), *В тебе нет ни дерзости, ни злости, а есть молодая смелость и молодой задор...* (И. Тургенев), ... *но сознайтесь, что и в вас есть частица того тщеславия, о котором я сейчас говорил* (И. Тургенев). И эта аналогия подкрепляется примерами на перевод как с

русского на хинди [см., в частности, перевод двух последних иллюстраций из русского языка: tum meM na dabangta: hai, na a:g. tum meM keval yuvaksulabh sa:has tatha: yuvaksulabh utsa:h hai... (TP, 350), ... lekin a:p ko yah bhi: ma:n lena: hoga: ki a:p meM thoRa:-sa: vah dambh bhi: hai, jiska: maiM abhi: zikr kar raha: tha: (TB, 325)], так и с хинди на русский: tum meM neki: hai, tum meM bhola:pan hai... (VB, 116) — В вас есть доброта, есть простодушие... (ВБ, 112). В соответствующей посессивной конструкции возможно и употребление послелого *ke andar* ‘внутри’ вместо *meM*, например: mere andar itna: dhairya bhi: nahi:M hai ki maiM kuch varSa cup-ca:p prati:kSa: kar lu:M (RA, 255) — Во мне нет терпения, чтобы ждать еще несколько лет (Р, 214).

В русском языке используется, хотя и не часто, и такая конструкция, в которой позицию Посессора занимает имя или местоимение в дательном падеже: Мне крайняя нужда в деньгах. Готовый ко услугам Иван Зурин (А. Пушкин); Без их благословения не будет тебе счастья (А. Пушкин); Ей было семнадцать лет (А. Пушкин); [Анна Андреевна:] Тебе есть примеры другие — перед тобою мать твоя (Н. Гоголь); ... и, верно, было мне назначение высокое... (М. Лермонтов); А вчерась мне была выволочка (А. Чехов); [Хлестаков:] Да что? Мне нет никакого дела до них... (Н. Гоголь); [Анна Андреевна:] Во-первых, тебе не будет времени думать об этом (Н. Гоголь); Здесь надобно сказать, что значительный человек совершенно прилгнул: ему было время (Н. Гоголь).

Ее можно принять за аналог посессивной *ko*-конструкции языка хинди, чему, в частности, отвечает такой перевод на хинди первого из приведенных выше русских предложений: mujhe (= mujh ko. — В. Л.) rupaye ki: atyant a:vashyakta: hai. tumha:ra: sevak, i:va:n zu:rin (PK, 13). Однако жесткой привязки одной конструкции к другой нет: ...ему было время — inke pa:s DheroM vakt tha: (GK, 484). Ср., однако: su:d ji: ko lekh paRhne ka: samay nahi:M tha: (YB, 546). ‘Суду некогда было (букв. время не было) читать статью’, где при имени объекта обладания того же значения (*samay* ‘время’) представлена *ko*-конструкция.

В ряде случаев, обусловленных лексической семантикой имени, сочетающегося в прямом падеже с глаголом *hona:*, семантическую близость к предложениям, воплощающим *ko*-конструкцию, обнаруживают предложения, где послелог *ko* следует за существительным *man* ‘душа’ или *hRIday (dil)* ‘сердце’ с атрибутом, обозначающим лицо, например: ... mere man ko dhairya nahi:M hai [52, с.178] ‘... душе моей беспокойно’ (букв. ‘... моей душе спокойствия нет’), mere hRIday ko pahle hi: cain na tha: (ST, 188) ‘Ведь и раньше моему сердцу не было покоя’, — и предложения, где в позиции, обычной для *N-ko*, выступает *N-ke-lie (-liye)*, например: ab mere lie koi: a:sha: na thi: (ST, 95) ‘Теперь у меня (букв. для меня) не было никакой надежды’, ... mere lie ji:van meM koi: a:nand nahi:M (PN, 72) ‘... для меня нет в жизни счастья’.

Аналогом предложений, воплощающих посессивную *ka:-*конструкцию, можно признать следующее предложение русского языка: Грушицкого

страсть была декламировать... (М. Лермонтов), — при переводе которого на хинди предпочтение было отдано, однако, *ko*-конструкции: *grushni:tski: ko bakva:s karne ki: bhi: ek hi: sanak thi:* (ЛН, 96). Однако в целом русскому языку не свойственна тематизация атрибута, представленного существительным в родительном падеже (или притяжательным местоимением), которая могла бы повлечь за собой появление чисто генитивной (т. е. с генитивом без предлога) посессивной конструкции, соперничающей с конструкцией, где имя в родительном падеже следует за предлогом *у*.

При отрицании с глаголом *hona:* как компонентом посессивных конструкций употребляются отрицательные частицы *na* и *nahi:M*, например: *uske hRIday na tha:, bha:v na the, keval mastiSka tha:* (PJ, 58) ‘У него не было сердца, не было эмоций, был лишь холодный расчет’, ... *par mujhe unke sparSa karne tak ka: adhika:r nahi:M tha:* (UK, 58) ‘... но даже прикасаться к ним (к хранившимся в сундуке сари. — В. Л.) я не имел права’, *mere pa:s diya:sala:i: nahi:M hai* (SK, 112) ‘У меня нет спичек’. Способность выступать в роли отрицательной формы простого презенса глагола *hona:* проявляется у частицы *nahi:M* и в предложениях, воплощающих посессивные конструкции: *mujhe tum se koi: shika:yat nahi:M* (PM 2, 87) ‘Я на вас не в обиде’ (букв. ‘Мне к вам упрека нет’) [ср. *mujhe tum se koi: shika:yat nahi:M hai* (RA, 159) ‘Я на вас не в обиде’], *yah to meri: iccha: hai aur ismeM kisi: du:sre ko bolne ka: adhika:r nahi:M* (KE, 123) ‘Таково мое мнение, и никто другой не имеет права обсуждать это’ [ср. ... *lekin a:p ko is tarah mujhe apra:mit karne ka: koi: adhika:r nahi:M hai* (SK, 53) ‘... но у вас нет никакого права так меня унижать’]. В хинди, в отличие от русского языка, где при отрицании именительный падеж имени объекта обладания уступает место родительному падежу, отрицание не влияет на форму имени объекта обладания (такое имя остается в форме прямого падежа): *uske ek bacca: tha: — uske koi: bacca: na tha:*, но *У него был ребенок — У него не было никакого ребенка*.

В структуре посессивных конструкций языка хинди не находит отражения различие между предложениями русского языка, отвечающими, с одной стороны, формуле *У X-а есть Y*, а с другой стороны, — формуле *У X-а Y*:

(1а) ... *а есть у меня, в верстах двадцати пяти отсюда, деревушка; так я туда еду* (И. Тургенев) — ... *yaha:M se koi: pacci:s versta: ki: du:ri: par mera: ek choTa:-sa: ga:Mv hai; mera: ira:da: vahi:M ja:ne ka: hai* (ТК, 34), ... *да притом у меня есть лакеи и деньги!* (М. Лермонтов) — *phir ha:vi: hone ke lie mere pa:s arne naukar haiM, rupa: hai* (ЛН, 104), ... *у тебя есть талант...* (Н. Гоголь) — ... *tum meM pratibha: hai* (GK, 383);

(1б) *У него там небольшое именице* (И. Тургенев) — *vaha:M unki: ek choTi:-si: zati:nda:ri: hai* (TP,51), *У нас много медиков, фармацевтов, юристов...* (А. Чехов) — *hama:re pa:s asankhya Da:kTar, rasa:yan-sha:stri:, vaki:l haiM...* (СК, 111), *Мне кажется, у него большие способности к музыке...* (И. Тургенев) — *maiM samajhti: hu:M ki un meM sangi:t ki: baRi: pratibha: hai...* (ТК, 119), — *У меня насморк, — отвечал я, — боюсь простудиться* (М. Лермонтов) — “*mujhe zuka:m hai*”, *maiM ne java:b diya:*, “*aur mujhe iske baRh ja:ne ka: Dar hai*” (ЛН, 161);

(2a) *hama:re pa:s nahī:M hai, par tumha:re pa:s to hai gahna: kapRa:* (VM, 243) — *У нас добра нет, а вот у вас кое-что есть! Украшения и наряды!* (BB, 182), *tumha:re bi:vi: hai, bacca: hai, aur izzat-a:bru: hai* (VB, 115) — *У вас есть жена, сын, есть честь и репутация* (BB, 111);

(2б) *abhi: mere pa:s ka:fi: paise haiM* (RA, 291) — *У меня еще много денег* (P, 241), *maiM tumha:ri: beTi: ka: pita: hu:M, mera: us par adhika:r hai* (YB, 683) — *Да я же отец твоего ребенка! У меня право на него* (Я, 514).

В «русской части» приведенных выше примеров, включая переводные с хинди эквиваленты [(2a) и (2б)], одни из предложений [(1a) и (2a)] содержат словоформу *есть*, другие [(1б) и (2б)] — обходятся без нее, тогда как все помещенные предложения языка хинди, в том числе, что особенно показательно, переводные с русского эквиваленты [(1a) и (1б)], располагают формой простого презенса от глагола *hona:*.

Вопрос о том, каковы линии семантического различия между моделями *У X-а есть Y* и *У X-а Y* (моделью с *есть* и моделью без *есть*), и вопрос о том, при каких условиях используется одна модель, а при каких — другая, когда отдается предпочтение одной из них перед другой, заслуживает ввиду своей сложности пристального внимания русистов. Последним приходится сталкиваться с переплетением ряда факторов, влияющих на выбор модели. В свете же вышеизложенного уместо будет ограничиться замечанием, что предложения характеристики отвечают модели без *есть*: *У него {голубые глаза, вспыльчивый характер, чистая совесть}*.

Попутно возникает вопрос, обладает ли (может ли обладать) каждая из моделей своим инвариантным значением. Если да, оно может быть выявлено на основе тщательного обобщения максимального числа случаев функционирования каждой из моделей.

Ниже даются примеры, касающиеся уже отмеченных в лингвистической литературе отдельных случаев размежевания моделей (модели с *есть* и модели без *есть*) или «отмежевания» одной модели от другой.

1. *У меня есть автомобиль* (= ‘Я им владею’) ~ *У меня автомобиль* (= ‘В данный момент автомобиль находится в моем распоряжении, но может мне не принадлежать’) [27, с. 173]. С одной стороны, здесь можно усматривать различие между постоянным владением и временным владением, а с другой стороны, выступает на первый план противопоставленность актуального обладания (обладания, приходящегося на данный момент – в предложении без словоформы *есть*) обладанию вообще.

2. *У него есть пластиковые лыжи* (Он в принципе является обладателем пластиковых лыж) ~ *У него пластиковые лыжи (и поэтому он так быстро бежит)* [3, с. 132]; *У меня есть новый костюм* (= ‘я им владею’) ~ *У меня новый костюм* (= ‘на мне надет’) [27, с. 173]. Различие в структуре предложений обусловлено различием в значении: в одном случае — значение обладания вообще, в другом случае — значение актуального обладания (отчасти так же, как и в примере пункта 1).

3. *У него есть новый магнитофон* ~ *У него голубые глаза* [48, с. 157-158]. Здесь налицо семантическая оппозиция «владение отчуждаемым объектом обладания ~ владение абсолютно неотчуждаемым объектом обладания». Если при этом в первом предложении пары сообщается лишь о наличии объекта у посессора, то второе предложение (на фоне отсутствия информативности у *У него глаза*) сообщает прежде всего о том, каким качеством наделен имеющийся у посессора объект, и приобретает черты предложения характеристики (*У него голубые глаза* = *Он голубоглазый*). Ср. корреляты этих предложений, выражающие отрицание: *У него нет нового магнитофона* ~ *У него не голубые глаза* (или *У него глаза не голубые*).

4. *У него есть седые волосы* ~ *У него седые волосы* [47, 116]. Налицо противопоставление по признаку «парциальность ('имеются волосы не только седые') ~ тотальность», которое может толковаться как «неопределенность ~ отсутствие неопределенности» [27, с. 173]. Ср. «отрицательные» корреляты: *У него нет седых волос* ~ *У него не седые волосы*.

5. *У нее есть интересные книги* (т. е. некоторые из имеющихся книг интересные) ~ *У нее интересные книги* (т. е., скорее всего, все книги интересные) [40, с.80]. Этот случай близок случаю пункта 4.

6. **У него глаза* ~ *У него усы* [48, с.158]. Грамматическая правильность второго предложения пары на фоне неправильности первого обусловлена тем, что в нем референтом имени объекта обладания является «нестандартная деталь» посессора. В плане содержания правильное предложение приобретает черты предложения характеристики: *У него усы* = *Он усатый*.

7. *У вас есть дети?* ~ *У него двое детей (сыновей)* [27, с. 173]. В первом предложении объект обладания предстает качественно и количественно не идентифицированным, во втором — идентифицированным количественно (количественно и качественно).

8. **У вас есть хорошая дочь?* ~ *У вас хорошая дочь?* [40, с.68]. Ненормальность первого предложения проистекает из того, что условием естественности вопроса относительно качественного признака дочери должна быть пресуппозиция наличия оной, а этому условию удовлетворяет второе предложение (без *есть*), которое, кстати сказать, может быть реакцией на положительный ответ, полученный на вопрос *У вас есть дочь?*

9. *У меня есть улыбка одна: Так движенье чуть видное губ* (А. Ахматова) ~ *У него на лице улыбка* [40, с.73]. В первом предложении (с *есть*) речь идет о потенциально существующей улыбке, во втором (без *есть*) — о ее фактической реализации в данный момент.

10. *У меня есть бабушка* ~ [*Я не могу остаться после уроков.*] *У меня бабушка* [40, с.75]. В первом предложении сообщается о наличии бабушки среди действительных или возможных членов запрограммированного у посессора множества, во втором — о наличии бабушки в рамках описываемого момента существования посессора.

11. *У него есть правильное чутье* ~ *Но у него (кота. — В. Л.) правильное чутье, и он прекрасно понимает сцену. Он услышал фальшь* (М. Булгаков) [40, с.82]. В первом предложении подчеркивается наличие правильного чутья в отличие от его отсутствия, во втором случае (без *есть*) внимание акцентируется на наличии правильного чутья в отличие от неправильного.

12. *У вас есть что-нибудь в кармане?* ~ *Что у вас в кармане?* [40, с.67]. Первое предложение подходит к ситуации, когда спрашивающий вообще ничего не знает о наличии чего бы то ни было в кармане собеседника, а во втором предполагается знание того, что у адресата в кармане что-то есть.

13. *Ему есть* (с логическим ударением на *есть*) *три года* ~ *Ему три года*. Налицо смысловое различие: 'Его возраст не меньше трех лет' ~ 'Его возраст равен трем годам' [3, с.134]. Во втором предложении пары количественная идентификация обладаемого лишена неопределенности.

Рассмотрение ряда случаев употребления модели с *есть* и модели без *есть* подытоживается В. Г. Гаком в такой формулировке: «... использование глагола *есть* в настоящем времени подчеркивает самый характер связи, наличие у субъекта данного объекта вообще, тогда как его опущение подчеркивает качество, местонахождение объекта, его наличие в конкретной ситуации, когда говорящий видит объект» [12, с.158]. Более развернутые обобщения, отражающие учет ряда факторов (характер пространственного соотношения между предметами, вид передаваемой информации об объекте обладания, степень обоснованности предположения о вхождении объекта обладания в запрограммированное множество, характер связи объекта обладания с описываемым пространством), предложены О. Н. Селиверстовой [40, с.88-89]. В литературе получила освещение и практическая сторона использования моделей [37, с.65-71].

Реляционные предложения и предложения характеристики

Предложения, обслуживающие сферу выражения значения посессивности, принадлежат к особому семантическому классу предложений — к реляционным предложениям, и каждая конструкция, представляющая собой синтаксический образец, по которому предпочитают их строить считается посессивной. Однако посессивная конструкция изменяет своему назначению, когда предложения, ее воплощающие, приобретают в плане содержания черты, свойственные предложениям иного семантического класса (т. е. не реляционным). В русском языке это касается, в частности, предложений типа *У него голубые глаза, У него вспыльчивый характер*, где существительное, выступающее в позиции имени объекта обладания, имеет при себе атрибут. Их назначение заключается не в том, чтобы сообщить, что у определенного лица имеются глаза, имеется характер, а в том, чтобы сообщить, каковы имеющиеся у данного лица глаза, каков у него характер, и путем указания на признак обладаемой лицом сущности (части тела или организма, параметра личности) охарактеризовать само лицо. Они, таким образом, выступают в качестве предложений характеристики. В хинди им соответствуют предложения типа *uski: a: MkheM ni:li: haiM* (букв. ‘Его глаза синие суть’), *uska: svabha:v krodhi: hai* (букв. ‘Его характер вспыльчивый есть’).

Такой вид соответствия наглядно подтверждают почерпнутые из художественной литературы примеры на перевод с русского на хинди:

— *Эта княжна Мери прехорошенькая, — сказал я ему. — У нее такие бархатные глаза, именно бархатные...* (М. Лермонтов) — “*ra:jkuma:ri: meri: va:kai: bahut khu:bsu:rat hai*”, *maiM ne unse kaha: . “uski: a:MkheM to ekdam takhmali: haiM — hu:bahu: ka:le-makhmali:jaisi:...”* (LH, 88);

...у него были полные, пухлые щеки (А. Чехов) — *...uske ga:l moTe aur phu:le-phu:le the* (CL, 302);

[Астров:] *У вашего отца тяжелый характер* (А. Чехов) — *[a:strov] a:pke pita: ka: svabha:v bahut khara:b hai* (CN, 151);

...у нее с братом какой-то странный образ мыслей (А. Чехов) — *...uske aur uske bha:i: ke socne ka: Dhang kuch aisa: anokha: hai...* (CL, 273);

[Соня:] *Это так не идет к вам! Вы изящны, у вас такой нежный голос...* (А. Чехов) — *[sonya:] yah a:pko bilkul shobha: nahi:M deta:! a:p itne a:karSak haiM, a:pki: a:va:z itni: pya:ri: hai...* (CN, 153);

У Ивана Ивановича была довольно странная, двойная фамилия — Чимша-Гималайский... (А. Чехов) — *iva:n iva:nic ka: kul na:m kuch ajab-sa: tha: — cimsha:-hima:layski:...* (CL, 263).

Это же соответствие демонстрируют «в зеркальном отражении» примеры на перевод с хинди на русский: *tumha:ra: sehra: ThaNDa: hai...* (RA, 467) — *Просто у тебя сейчас холодное лицо* (Р, 383), *a:pka: pariva:r baRa: hai* (VB, 231) — *У вас большая семья...* (ВБ, 202).

Акцент в характеристике может быть смещен с посессора на объект обладания. В таком смысле, в частности, можно понимать предложение русского перевода в последнем

примере. Обычно же в таких случаях структура посессивной конструкции оказывается нарушенной в силу того, что в предложениях слово, обозначающее признак, берет на себя функцию предикатива, откликаясь на вынос имени объекта обладания в начальную позицию: *...но сердце у меня всегда было русское, и я не забывала своего отечества* (И. Тургенев), *Глаза у него выпуклые, рачьи...* (А. Чехов), *Но она не глядит на меня, рука у нее холодная, словно чужая* (А. Чехов). Впрочем, в начальной позиции может быть оставлено имя посессора: *У генерала собаки дорогие, породистые, а эта — черт знает что!* (А. Чехов). Разница в расположении именных компонентов, отмеченная выше, не получает отражения в структуре предложений языка хинди. См., в частности, *uska: ha:th* ‘ее рука’ и *janaral sa:hab ke sab kutte* ‘все собаки генерала’ в переводных эквивалентах приведенных выше двух русских предложений: *par vah meri: or dekhti: nahi:M, uska: ha:th ThaNDa: hai. ajnabi: ha:thoM ki: tarah* (CL, 129), *janaral sa:hab ke sab kutte acchi: nasl ke haiM, ek se ek ki:mati: kutta: hai unke pa:s. aur yah! yah to bilkul aisa:-vaisa: hi: hai, dekho na!* (CL, 14).

Логическим требованием приобретения предложениями, воплощающими в русском языке посессивную конструкцию, семантических черт предложений характеристики, является пресуппозиция существования того, что обозначено словом, занимающим позицию имени объекта обладания в сочетании с атрибутом. Это утверждение как нельзя лучше подходит к случаям, когда в виду имеются абсолютно неотчуждаемые объекты обладания (см. выше в примерах: *глаза, щеки, характер, образ мыслей, голос, фамилия*). Однако оно может быть отнесено и к другим случаям, например: — *У меня очень покойная коляска, — прибавил несчастный молодой человек, обращаясь к Аркадию: — я могу вас подвезти...* (И. Тургенев), — где характеризуется коляска, о наличии которой в качестве принадлежащей молодому человеку участникам описываемой ситуации заведомо известно. В переводе на хинди мы имеем: *iske ba:d arka:di: ki: or muRte hue us badkismat yuvak ne kaha: — “meri: ga:Ri: khu:b a:ra:mdeh hai. maiM tumheM apne sa:th baiTha: le calu:Mga:...”* (TP, 211), чему в обратном буквальном переводе на русский соответствует ‘Моя коляска очень покойная есть...’ Зато такое предложение, как *У него очень хорошее состояние...* (Л. Толстой), остается реляционным, ибо в нем об объекте (о состоянии-имуществе), притом очень хорошем, упоминается в контексте утверждения самого факта обладания. Показательны в этом плане и такие примеры: — *А отец его где живет? — В нашей же губернии, верст восемьдесят отсюда. У него там небольшое имение* (И. Тургенев), *Неизвестно, каким образом в департаменте все вдруг узнали, что у Акакия Акакиевича новая шинель и что уже капота более не существует* (Н. Гоголь). В переводе на хинди таких примеров естественна посессивная конструкция.

Рефлексивизация и пространственная детерминация

В посессивных конструкциях обоих языков — хинди и русского — рефлексивизацию контролирует имя (местоимение) посессора, или Посессор.

В хинди показателем такой рефлексивизации является кореферентное с Посессором возвратно-притяжательное местоимение *apna*: ‘свой’: *adhi:n hone par bhi: kya: java:n a:dmi: ka: apna: koi: kartavya nahi:M hai?* (PN, 128) ‘Разве нет у молодого человека чувства долга, хотя бы он и был зависим?’, *lekin itna: maiM batla: du:M, a:j is samay mera: apne u:par pu:ra: adhika:r hai* (VB, 297) ‘Но я все же скажу — сегодня я полностью собой владею’ (букв. ‘...моя над собой полная власть есть’), *desh-bhakta ke pa:s apni: bhakti ke siva: aur kya: sampatti hai?* (PG, 175) ‘Единственный багаж патриота— это преданность [своей стране]’ (букв. ‘У патриота, кроме своей преданности, еще какое богатство есть?’), *magar use apni: izzat ka: bahut khaya:l hai* (KE, 25) ‘Но он дорожит своей репутацией’ (букв. ‘Но ему своей чести большая забота есть’). В качестве атрибута при имени объекта обладания (особенно показательны случаи с именами конкретно-предметной семантики) возвратно-притяжательное местоимение может выступать как сигнал того, что субъект обладания мыслится как собственник предмета обладания («свой» > «собственный» или «свой собственный»), например: *maNi ke pa:s apni: ka:r thi:*, *apna: shofar tha:* (SB, 67) ‘У Мани была собственная машина, был собственный шофер’, *lekin majisTreT ki: apni: ka:r thi:* (BD, 141) ‘Но судья имел собственный автомобиль’¹¹.

В русском языке кореферентным с посессором является притяжательное местоимение *свой*, например: [Нина:] *Вы заработались, и у вас нет времени и охоты сознать свое значение* (А. Чехов); *Мне приходило в голову, что если бы у меня не было так много своих детей, я бы хорошее дело сделала, взяв ее* (Л. Толстой); *Да и это неправда: у ней есть свои слова...* (И. Тургенев); *У каждого человека есть свой идеал...* (И. Тургенев); *У нее своя лошадь и новенький шарабан, купленный этим летом* (А. Чехов); *У него уже была своя пара лошадей и кучер Пантелеймон в бархатной жилетке* (А. Чехов), *У каждого свой обычай подъезжать* (А. Толстой).

В языке хинди предложения, передающие значения посессивности, могут включать в свой состав локализатор, указывающий на местонахождение объекта обладания: *ham logoM ka: vaha:M ek pura:na:, lekin bahut baRa: maka:n tha:, jise ham ‘dhara:shakti’ kaha: karte the* (BD, 86) ‘У нас там был старый, но вместительный дом, который мы называли Силой земли’; *maiM ki:rtida:s hu:M, jis ki: dhanba:d meM koyle ki: ti:n kha:neM haiM...* (BD, 155) ‘Я— Киртидас, у которого в Дханбаде три угольных шахты...’; *par mera: pa:kista:n me:M bhi: koi: rishteda:r nahi:M hai* (GD, 211) ‘Но у меня в Пакистане нет ни одного родственника’; *usne pu:cha:, ‘ma:MDu: meM kya: bahut striyoM ke pa:s hoMge aise gahne-kapRe?’* (VM, 238) ‘«В Манру у многих ли женщин найдутся такие украшения и наряды?»— спросила она’; *tujhe to yaHa:M koi: ka:m nahi:M hai* (AN, 102) ‘Особых дел у меня здесь нет’; *sansa:t meM use koi: avalamb, koi: saha:ra: na tha:* (PN, 169) ‘Во всем мире у нее не

¹¹ Зато в таких предложениях, как *mere pa:s uski: pensil hai* ‘У меня его карандаш’, *ra:ja: janak ke pa:s shivaji: ka: dhanuS tha:* ‘У царя Джанаки был лук Шивы’, отражены ситуации, где собственниками (постоянными обладателями) являются *он* и *Шива*, а *я* и *царь Джанака* предстают в качестве субъектов временного (акцидентального) обладания соответствующими предметами: *карандаш*, *лук* [65, с.9-10].

было опоры, не на кого было положиться'. Начальная позиция локализатора при Посессоре, оформленном послелогом *ka:* или представленном личным местоимением, способствует превращению предложения, воплощающего посессивную конструкцию, в бытийно-пространственное предложение, например: *roshniyoM ke is taraf uski: apni: duniya: hai. roshniyoM ke us taraf harbans ki: duniya: a:rambh ho ja:ti: hai* (РА, 293) 'По эту сторону огней освещения существует ее собственный мир, а по ту сторону огней начинается мир Харбанса'.

В русском языке тоже пространственный локализатор может быть принадлежностью предложений, воплощающих посессивную конструкцию: *У тебя там (в Харькове. — В. Л.) есть знакомые профессора, они тебе помогут* (А. Чехов), *У его отца в Харькове большой дом и под Харьковом имение* (А. Чехов), *Говорят, что в аулах у нее был роман с каким-то князьком* (А. Чехов), *У ней не было на свете ни одного родного человека* (А. Пушкин), *Прошло четыре года. В городе у Старцева была уже большая практика* (А. Чехов).

При этом не исключены случаи, когда наблюдается согласованность по посессивности между локализатором и словом, принимаемым за Посессора: *У нас в городе (= в нашем городе. — В. Л.) нет правильного ветеринарного надзора, и от этого много болезней* (А. Чехов). Такая согласованность затушевывает посессивное отношение между посессором (имя субъекта обладания выступает уже в роли личностного локализатора) и объектом обладания.

Для русского языка, в отличие от хинди, показательно употребление пространственных локализаторов в высказываниях о ближайшей предметной среде, облике, состоянии или внутреннем мире посессора-лица: *У меня в кошельке нет мелочи, У него в портфеле интересная книга, На голове у него была фуражка, В руках у него были еловые ветки, На лице у нее была родинка, В глазах у меня круги, У нее на душе была радость* [27, с. 174]. См. также примеры из литературных источников: [Бобчинский:] *У вас там, я знаю, в кармане-то с правой стороны прореха...*(Н. Гоголь), *У него на шее небольшая опухоль, которая мешает ему носить крахмальные воротнички...* (А. Чехов), — *А посмотри, Иван, кажется, у меня на носу как будто прыщик, — сказал он* (Н. Гоголь), *Был у ней в глазах небесный свет. На лице горел любви огонь* (А. Кольцов), *Лаврецкому почему-то все хотелось улыбнуться и сказать что-то забавное, но на сердце у него было смущение...* (И. Тургенев), *В глазах у него в это время нет ни ненависти, ни злости...* (А. Чехов). Здесь налицо согласованность по посессивности между пространственным локализатором и компонентом, сохраняющим облик Посессора посессивной конструкции предложения, при том, что данный компонент воспринимается как взаимодействующий с пространственным личностный локализатор. В хинди такому личностному локализатору русского языка обычно отвечает атрибут к пространственному локализатору, например: *у него на шее — unki: gardan par* (СЛ, 178) 'на его шее', *у меня на носу — meri: na:k par* (ГК, 372) 'на моем носу', *на сердце у него — uske dil*

meM (ТК, 146) ‘в его сердце’, *в глазах у него* — *uski: a:MkhoM meM* (СЛ, 98) ‘в его глазах’.

Наблюдаемая в рамках посессивной конструкции русского языка согласованность по посессивности между личностным и пространственным локализатором естественна и для предложений, посессивную конструкцию не воплощающих: *У нас в городе нет правильного ветеринарного надзора...* (А. Чехов) — *У нас в городе умирал купец* (А. Чехов), *В глазах у него в это время нет ни ненависти, ни злости...* (А. Чехов) — *В глазах у нее блестели слезы* (С. Антонов). Очевидны одинаковая семантическая и синтаксическая роль словесного комплекса *у нас в городе* в предложениях первой пары и равноценность комплексов *в глазах у него* и *в глазах у нее* в предложениях второй пары.

Пути расширения диапазона применимости посессивных конструкций

Как уже было отмечено (см. выше, с. 14), в языке хинди формами субстантивного глагола *hona:*, на использовании которых в воплощающих посессивные конструкции предложениях зиждется отображение самой ситуации обладания как таковой, являются простой презенс (в нем представлена основа *h-*), простой имперфект (в нем представлена основа *th-*), будущее I изъявительного наклонения, простая форма (настояще-будущее время) сослагательного наклонения, простая форма условного наклонения. Выше в основном приводились как наиболее представительные примеры с простым презенсом и простым имперфектом — формами, присущими исключительно глаголу *hona:*. Употребление же трех последних форм, произведенных от основы *ho-/hu:- (hu-)* глагола *hona:*, в сфере отображения ситуации обладания иллюстрируют следующие примеры:

1) *a:p ko koi: takli:f na h o g i:* (SK, 67) ‘У вас не будет никаких тягот’, *...varna: unka: vahi: ha:l h o g a: , jo ra:mu: dhobi: ka: hua:* (KE, 32) ‘...иначе они окажутся в таком же положении (букв. их такое же положение будет), в какое попал прачка Раму’;

2) *parantu raunaki: meM koi: guN na ho , yah ba:t na thi:* (ST, 62) ‘Но нельзя сказать, что у Раунаки не было никаких достоинств’, *hameM dharmaka: vica:r ho ya: na ho , parantu ninda: ka: bhay avashya hota: hai* (ST, 201) ‘Думаем ли мы о дхарме или нет (букв. нам мысль о дхарме была бы или не была бы), но мы, несомненно, боимся осуждения’;

3) *kahi:M uske pa:s bhi: is samay rakam hoti:* (YA, 53) ‘О, если бы и у него в это время были деньги’, *yadi use mujh se prem hota: to kya: vah mujh se viva:h na kar leta:?* (PP, 118) ‘Если бы он любил меня (букв. если ему ко мне любовь была бы), то разве не женился бы на мне?’.

Возникает вопрос: а на каких сторонах ситуации обладания акцентируется внимание в тех предложениях, где глагол *hona:* выступает в аспекту-

ально окрашенных формах, а именно, в перфективной, имперфективной, процессивной (продолженной, актуальной) формах, образованных, как известно, с участием основы *ho-/hu:- (hu-)* в составе их компонентов?

Предложениями с перфективными формами вносится значение возникновения ситуации обладания: *...hameM a:sha: hui: ki ba:ngo ke desh meM ham un logoM se pahle pahuMc ja:yeMge* (SA, 104) ‘...у нас появилась надежда, что мы прибудем в страну [вождя по имени] Банго раньше этих людей’, *unheM baRi: iccha: hui: pahle darpaN meM tuMh dekhne ki:* (UK, 75) ‘У него возникло сильное желание сперва поглядеться в зеркало’.

В случаях использования процессивных форм подчеркивается актуальность того, в чем проявляется внутренний мир человека или чем характеризуется его физическое состояние, для определенного момента или отрезка времени: *ek kSaN meM nirmala: bhi: a: pahuMci: var ke baRe bha:i: ko dekhne ki: use baRi: utsukta: ho rahi: thi:* (PN, 144) ‘Мгновенно тут же оказалась и Нирмала. Она сгорала от нетерпения (букв. ей большое нетерпение было/происходило) увидеть старшего брата жениха’, *ganga:prasa:d ki: uThne ki: tabi:yat nahi:M ho rahi: thi:, lekin bal laga:kar uThna: para:* (VB, 351) ‘Вставать Гангапрасаду не хотелось (букв. Гангапрасада подниматься охота не происходила), но все же ему пришлось подняться, сделав над собой усилие’, *mera: do-ti:n rupae roz ka: gha:Ta: ho raha: hai* (PG, 229) ‘Я ежедневно теряю две-три рупии’ (букв. ‘Мой в две-три рупии ежедневный убыток случается’), *tumheM tha:isis ho raha: hai. sa:re lakSaN usi: ke haiM* (PN, 104) ‘У тебя туберкулез. Налицо все симптомы этой болезни’. В такого рода предложениях в качестве объектов обладания обычно мыслятся чувство, переживание, эмоционально-психическое состояние, конкретное проявление разума или мыслительной деятельности человека, недуг.

Использованием имперфективных форм достигается изображение ситуации обладания как имеющей непреходящий или устойчивый характер, что бывает связано с привнесением в семантику предложений значения повторяемости, обычности, обобщения, типизации: *tum ha:ki: khelne ja:te ho to mujhe sanshay hota hai ki kahi:M coT na lag gayi: ho...* (PP, 331) ‘Когда ты отправляешься играть в хоккей, у меня [каждый раз] появляется опасение, как бы ты не ушибся...’, *unki: kabhi:-kabhi: aisi: iccha: hoti: ki ek ba:r nirmala: se apne man ke sa:re bha:v kholkar kah du:M...* (PN, 125) ‘Порой у него возникает желание раскрыть перед Нирмалой свою душу...’, *baRoM ke pa:s dhan hota: hai, choToM ke pa:s hRIday hota: hai* (PM 1, 169) ‘Знать владеет богатством, а мелкий люд — сердцем’.

Семантические различия между элементарными предложениями, связанные с использованием разных форм глагола *hona:* при обслуживании им сферы выражения посессивности, видны в следующих примерах, где на синтагматической оси контрастируют, в частности, следующие формы: а) процессивная и перфективная: *is samay ba:lak ko god meM liye hue use vah tuSTi ho rahi: thi:, jo ab tak kabhi: na hui: thi:* (PN, 65) ‘Теперь, взяв ребенка на руки, она испытывала такое удовлетворение (букв. ей было/происходило такое удовлетворение), которое до сих пор ей ни разу не довелось испытать’;

б) имперфективная и процессивная: *cor ke ghar cori: ho ja:ne se uski: jo dasha: hoti: hai, vahi: dasha: is samay nirmala: ki: ho rahi: thi:* (PN, 86) ‘У Нирмалы в это время было такое же состояние (= ‘Нирмала в это время переживала такое же состояние’. — В. Л.), какое бывает у вора из-за кражи, случившейся в его доме’; в) имперфективная и перфективная: *jitna: sukh kisi: bhikha:ri: ko yah sunkar hota: hai ki tumheM ra:j mil ja:yga: usse adhik sukh mujhe Da:kTar sa:hab ke is vacan se hua:* (ST, 89) ‘От этих слов доктора я испытал радость (букв. мне радость появилась) бóльшую, чем та радость, которую испытывает какой-нибудь нищий (букв. какая радость какому-нибудь нищему бывает), услышав, что ему достанется царство’.

Однако в некоторых контекстах, касающихся упомянутой сферы, семантическая грань между имперфективной формой и процессивной формой глагола *hona:* остается неощутимой, поскольку и на этот глагол распространяется проявляемая имперфективными формами способность передавать конкретно-процессное значение (значение конкретного единичного действия, находящегося в процессе развития, актуальном для определенного момента или отрезка времени). Так, в следующей паре примеров выглядит вполне допустимой взаимозаменяемость процессивной и имперфективной форм: *mujhe yah bata:te hue dukh ho raha: hai ki ab tum apni: ma:M aur apni: bahan si:ta: ko kabhi: na dekh sakoge* (SK, 27) ‘Мне горько говорить (букв. сообщая, мне горе есть), что теперь вы не сможете увидеть свою мать и свою сестру Ситу’ — *yadi yah ba:t hai to mujhe yah kahte prasannata: hoti: hai ki a:p baRe bha:gyava:n a:dmi: haiM* (KK, 104) ‘Раз дело обстоит так, то я рад сказать (букв. говоря, мне радость есть), что вы очень счастливый человек’. Далее, едва ли замена имперфективной формы процессивной формой повлекла бы за собой заметный семантический сдвиг в следующем примере: *ab manne ki: ba:ri: thi.: usne uske a:Msu: roMche aur bola: — roo mat. mujhe bahut dukh hota: hai* (GS, 41) ‘Теперь очередь дошла до Маннэ. Он вытер ему (Мунни. — В. Л.) слезы и сказал: «Не плачь. Я очень огорчен (букв. мне большое огорчение есть)»’.

Вместе с тем не исключены и такие контексты, где стирается семантическая грань между имперфективными и аспектуально нейтральными формами глагола *hona:* — в частности, простым презенсом и простым имперфектом. Например, вряд ли замена простого имперфекта формой прошедшего общего времени и обратная замена отразилась бы на смысле следующих предложений: *unheM la:la: sada:nand ke sa:mne sir uTha:ne ka: sa:has na tha:* (ST, 174) ‘Он не смел (букв. ему смелость не была > ему не было смелости) поднять голову перед лалой Саданандом’ — *daftar meM a:ne ka: use sa:has nahi:M hota: tha: ma:no koi: apara:dhi: hai* (PM 2, 208) ‘Пойти в контору он не смел, словно был в чем-то виноват’. Ср., однако, пример, где формы *hona:* — простой презенс и имперфективная форма (в частности, настоящее общее время) — обнаруживают семантическое различие: *...ha:la:Mki pulis ko a:tma:oM ke satitva par bilkul vishva:s nahi:M hai, phir bhi: jab si:ta: dikha:i: deti: hai to pulis va:loM ki: uske pa:s ja:ne ki: himmat nahi:M hoti:* (SK, 47) ‘...и хотя полиция совсем не верит (букв. [у] полиции веры нет) в существование духов, всё же, когда появляется Сита, у полицейских не хватает решимости приблизиться к ней’.

Таким образом, благодаря использованию аспектуально окрашенных форм глагола *hona:* в хинди расширяется диапазон применимости посессивных конструкций. При этом перфективные формы «вписываются» в структуру *ko*-конструкции и *ka:*-конструкции и (окказионально и в структуру *ke*-конструкции), процессивные — в структуру *ko*-конструкции (окказионально и в структуру *ka:*-конструкции), имперфективные — в структуру *ko*-конструкции и *ka:*-конструкции (окказионально и в структуру *ke-pa:s*-конструкции и *meM*-конструкции). Иначе говоря, наиболее восприимчивой к

аспектуально окрашенным формам глагола *hona*: является *ko*-конструкция, наименьшую же восприимчивость к таким формам обнаруживают *ke*-конструкция и *ke-ra:s*-конструкция вкупе с *meM*-конструкцией.

Приводимые ниже серии примеров иллюстрируют, как в структуре *ko*-конструкции могут использоваться разные формы глагола *hona*: (простой презенс или простой имперфект, перфективная, процессивная и имперфективная формы) с одним и тем же существительным — именем объекта обладания):

а) *use dhan ki: vipulta: ka: bhi: koi: anubhav na tha: ...* (YV, 48) ‘Не доводилось ей ощущать себя и располагающей большими средствами...’ (букв. ‘Ей обилия средств тоже ощущения не было...’), *ma:tRI-hi:nta: ke duHkh ka: a:j use pahili: ba:r anubhav hua:* (PN, 88) ‘Сегодня он впервые ощутил всю боль (букв. ощущение боли ему появилось) ребенка, лишившегося матери’, *...lekin is ashruprava:h meM use asi:m dhairya aur sa:ntvana: ka: anubhav ho raha: tha:* (PN, 154) ‘...но этот поток слез вселял в нее стойкость и несотрадание’ (букв. ‘...но в этом потоке слез ей ощущение безграничной стойкости и утешения было/происходило’), *usse ba:teM karte hue use ek apa:r sukh ka: anubhav hota: tha:* (PN, 85) ‘Беседуя с ним, она [всякий раз] испытывала безграничную радость’ (букв. ‘Беседуя с ним, ей безграничной радости ощущение бывало’);

б) *unhoM ne mard hokar apne vacan ko pu:ra: nahi:M kiya: . parantu is par mujhe a:shcarya nahi:M. mujhe a:shcarya devaki: par hai, jis ne stri: hokar mujhe aisa: dhokha: diya:...* (ST, 123) ‘Будучи мужчиной, он не выполнил своего обещания. Но этому я не удивляюсь (букв. мне удивления нет). Меня удивляет Девачи (букв. на Девачи мне удивление есть), которая, будучи женщиной, так меня обманула...’, *unheM bha:i: ki: is kSudrata: se a:shcarya hua:* (PN, 63) ‘Она удивилась этой мелочности [своего] брата’ (букв. ‘Ей от этой мелочности брата удивление появилось’), *uski: mitroM ko uski: ucchRIkhalta: par a:shcarya ho raha: tha:* (PN, 106) ‘Его товарищи приходили в изумление от его несдержанности’ (букв. ‘Его товарищам на его несдержанность удивление было/происходило’), *tumha:ri: योग्या: par mujhe a:shcarya hota: hai* (ST, 187) ‘Я [всякий раз] поражаюсь вашей одаренности’ (букв. ‘На вашу одаренность мне удивление бывает’);

в) *ma:M, bata: do na:, tumheM kya: duHkh hai?* (ST, 12) ‘Ну скажи же, мама, что тебя мучит? (букв. тебе какая мука есть?)’, *mujhe un logoM ki: yah ha:lat dekhkar bahut duHkh hua:* (KE, 29) ‘Увидев этих людей в таком состоянии, я сильно огорчился (букв. мне горе появилось)’, *ek hi: varSa meM sku:l ki: kya: dasha: ho gayi: ! manne ko bahut dukh ho raha: tha: . kya: unki: itni:-sa:ri: mehnat ka: yahi: nati:ja: honeva:la: tha:?* (GS, 625) ‘Что стало со школой всего лишь за один год?! Маннэ мучительно переживал. Разве такой результат ожидался от всех его усилий?!’, *jab hama:re u:par koi: ba:ri: vipatti a: pa:Rti: hai, usse hameM keval duHkh hi: nahi:M hota: — hameM du:sroM ke ta:ne bhi: sahne pa:Rte haiM* (PN, 155) ‘Когда к нам приходит большая беда, тогда мы испытываем не только страдание (букв. не только страдание бывает), нам приходится еще терпеть злословие других’;

г) *a:j tak use bacne ki: kuch-na-kuch a:sha: thi:* (PN, 174) ‘До сегодняшнего дня у него была кое-какая надежда на спасение’, ...*hameM a:sha: hui: ki ba:ngo ke desh meM ham un logoM se pahle pahuMc ja:yeMge* (SA, 104) ‘...у нас появилась надежда, что мы прибудем в страну [вождя по имени] Банго раньше этих людей’, *abki: unheM a:sha: ho rahi: thi: ki siya:ra:m lauT a:ya: hoga:* (PN, 191) ‘Теперь он надеялся на то, что Сиярам уже вернулся домой’, *film bana:ne va:la: sama:j ki: unnati aur sama:j ke calan ki: or dhya:n na dekar manoranjan ko mukhya ma:n leta: hai. isse usko adhik la:bh ki: a:sha: hoti: hai* (GD, 238) ‘Киношник, оставляя без внимания прогресс общества и настрой общества, отдает предпочтение развлекательности. С ней он связывает надежду на бóльшую выгоду’;

д) *unheM la:la: sada:nand ke sa:mne sir uTha:ne ka: sa:has na tha:* (ST, 174) ‘Он не смел (букв. ему смелость не была > ему не было смелости) поднять голову перед лалой Саданандом’, *unke pi:che ja:ne ka: sa:has canda: ko na hua:* (YD, 182) ‘Идти вслед за ним Чанда не решилась (букв. решимость Чанде не появилась)’, *ra:ja: ko bhi: aur a:ge baRhne ka: sa:has nahi:M ho raha: tha:* (SA, 74) ‘Раджа тоже не осмеливался продвигаться вперед’, *vah Darkar darva:ze par baiTh gai: aur rone lagi:. jis prakar durbal vidya:rthi: ko pari:kSa: ke kamre meM ja:ne ka: sa:has nahi:M hota:* (ST, 16) ‘Оробев, она села у двери и расплакалась. Точно так слабому студенту не хватает решимости войти в комнату к экзаменатору’.

Принимая в структуре посессивных конструкций процессивную или перфективную форму, глагол *hona:* из тех значений, которые определяют его семантический диапазон, реализует значение «происходить/появляться» (а отнюдь не значение «существовать/находиться»), благодаря чему соответствующие предложения получают семантический оттенок событийности, и не всем существительным, которые могут в рамках такой структуры претендовать на роль имени объекта обладания, оказывается свойственной сочетаемость с упомянутыми формами. Фактором, определяющим роль имперфективной формы в обозначении событийности/не-событийности, является контекст.

Предложения, в которых значение посессивности совмещается с оттенком событийности, являют собой отступление от иконического отображения посессивного отношения. Они на фоне предложений, отображающих наличие ситуации обладания, знаменуют собой тенденцию выхода из круга реляционных предложений и сдвиг в сторону предложений иного семантического типа — акциональных.

Передаче предложениями, воспроизводящими структуру посессивных конструкций, оттенка событийности как нельзя лучше отвечает их распространение неличноглагольными оборотами. При этом именем посессора обозначается и субъект действия, обозначенного стоящим в форме деепричастия (абсолютива) или причастия глаголом: *inspekTar ko yah sab dekhkar baRa: dukh hua:...* (GS, 618) ‘Увидев всё это, инспектор сильно огорчился...’ (букв. ‘Инспектору, всё это увидев, большое огорчение появилось...’), *is samay ba:lak ko god meM liye hue use vah tuSTi ho rahi: thi:, jo ab tak kabhi: na hui: thi:* (PN, 65) ‘Теперь, взяв ребенка на руки, она испытывала такое удовлетворение (букв. ей было/происходило такое удовлетворение), которое до сих пор ей ни разу не довелось испы-

тать', *ra:ste par calte hue mujhe fuTpa:th par ya: duka:nom ke ba:har loiya:M aur kambal oRhkar soye hue logoM se i:rSya: ho rahi: thi:* (RA, 48) 'Шагая по улице, я завидовал (букв. мне ... зависть была) людям, которые спали на тротуаре или возле лавок, накрывшись фланелевыми или шерстяными одеялами', *usse ba:teM karte hue use ek apa:r sukh ka: anubhav hota: tha:* (PN, 85) 'Беседуя с ним, она [всякий раз] испытывала безграничную радость' (букв. 'Беседуя с ним, ей ощущение безграничной радости бывало'), *ba:har a:kar tumha:ra: kisi: laRki: se paricay nahi:M hua:?* (RA, 289) 'А выехав сюда, ты не познакомился с какой-нибудь девушкой?' (букв. '...твое знакомство с какой-нибудь девушкой не произошло?').

Еще более удаленными от центра поля посессивности являются предложения, в которых при том же наборе и оформлении именных компонентов (аналогов имени посессора и имени объекта обладания) выступают иные глаголы, как бы занимая позицию глагола *hona:*. Это в первую очередь следующие глаголы: *rahna:* 'оставаться', 'сохраняться' (помимо 'жить', 'пребывать'), *milna:* 'встречаться', 'попадаться', 'доставаться', 'приобретаться', 'предоставляться', *paRna:* 'падать', 'случаться', 'происходить', 'появляться', *a:na:* 'приходить', 'прибывать', 'появляться', 'наступать', *lagna:* 'прикладываться', 'прилагаться', 'приставать', 'восприниматься', 'ощущаться'.

Каждый из них обладает индивидуальными особенностями в отношении опирающейся на лексическую семантику сочетаемости с именными компонентами предложений — аналогами имени объекта обладания.

При этом из разных способов оформления имени лица-посессора ведущую роль играет *N-ko* (или же местоимение в форме объектного падежа): *diva:li: ke dinoM to use kha:ne-pi:ne ki: bhi: sudh na rahti: thi:* (ST, 58) 'А уж в дни праздника дивали он забывал даже о том, что надо есть и пить' (букв. '...ему даже еды-питья осознание не оставалось'), *shivana:th ko prati ti:sre ma:s bi:s minaT ke liye ghar ke logoM se milne ki: a:jña: milti: thi:* (YD, 35) 'Через каждые три месяца Шиванатх получал разрешение (букв. Шиванатху доставалось разрешение) на двадцатиминутное свидание со своими домашними', *unhi:M dinoM mujhe sama:ca:rpatra paRhne ka: caska: paRa:* (KE, 5) 'В те же дни я пристрастился (букв. мне пристрастие появилось) к чтению газет', *mujhe us samay hosh a:ya:, jab mera: sir ek mez se Takra:ya:...* (KE, 148) 'Я пришел в себя (букв. мне пришло сознание) лишь тогда, когда стукнулся головой о какой-то стол...', *nasi:ruddi:n haidar ko sacmic ru:a:s lag rahi: thi:* (NM, 419) 'Насируддин Хайдар и в самом деле изнывал от жажды' (букв. 'Насируддину Хайдару поистине жажда ощущалась').

Возможность иного оформления такого имени иллюстрируют следующие примеры: *isse kam se kam mere pa:s ek sabu:t to rahega: ki maiM ne ek ta:R sku:l ko khaira:t de diya:* (GS, 603) 'Благодаря ей (расписке. — В. Л.) у меня по крайней мере сохранится свидетельство того, что я благодетельствовал школу пальмирой', *islie kisi: ki: a:ge a:ne ki: himmat na paRi:* (PG, 127) 'Поэтому ни у кого не нашлось смелости выступить вперед', *ek din la:la: paTeshvari: prasa:d ki: sha:mat a: gayi:* (PG, 270) 'Однажды лала Патешвари Прасад оказался в незавидном положении' (букв. 'Однажды Патешвари Прасада беда пришла').

В случаях с глаголом *rahna*: оформление имени лица-посессора обычно зависит от лексического значения существительного — аналога имени объекта обладания; в значительной мере так же дело обстоит и в случаях с *paRna*:. В случаях же с *a:na*: и *lagna*: эти глаголы влияют в силу своих валентных свойств на выбор формы данного именного компонента не меньше, чем существительное, выступающее в качестве имени объекта обладания, а в случаях с *milna*: именно этим глаголом детерминируется форма указанного компонента — *N-ko* или объектный падеж местоимения.

Приведенные выше глагольные предложения с компонентом *N-ko* (равным образом с местоимением в объектном падеже) являются в хинди как бы мостиком (или промежуточным звеном), соединяющим на основе ассоциации по сходству посессивные предложения, воплощающие *ko*-конструкцию, со всеми остальными предложениями, в которых тоже лишь за компонентом *N-ko* (также объектным падежом местоимения) жестко закреплена семантическая черта «личность» (порою допустима и более широкая трактовка — «одушевленность»), а какой-либо другой именной компонент, связанный с глаголом, избавлен от необходимости обозначать лицо (лиц).

Для полноты картины не лишне остановиться на разновидностях этих «остальных» предложений. Это предложения, где отмеченное оформление именного компонента, обозначающего лицо, оказывается обусловленным:

а) валентностью глагола вкупе с его семантической избирательностью: *mis vuD ko laRkiyoM ka: yah gul-gapa:Ra: akhra:...* (LK, 105) 'Для мисс Вуд стал невыносимым весь этот гвалт, поднятый девушками...' (см. *akharna*: 'быть невыносимым', 'не нравиться', 'быть не по вкусу'), *unke bacpan ki: ek kaha:ni: ham sab baccoM ko bahut bha:ti: thi:* (BD, 89) 'Одна история из его детства нам, детям, особенно нравилась' (ср. *bha:na*: 'нравиться', 'быть по душе');

б) валентностью отглагольного предикативного наречия *ca:hiye (ca:hie)* 'желательно', 'нужно', 'надо' (< *ca:hna*: 'хотеть', 'желать'): *gobar ko ra:t ke lie koi: Thika:na: ca:hie tha: hi:* (PG, 142) 'Ведь Гобар нуждался в пристанище на ночь' (букв. 'Гобару на ночь пристанище нужно было ведь');

в) семантикой глагольно-именного словосочетания (точнее — сочетания предикатива со связочным глаголом): *i:shvar ko jo manzu:r tha:, vah hua:* (PN, 204) 'Случилось то, что было угодно богу' (см. *manzu:r hona*: 'быть удобным', 'быть принятым'), *muft meM shara:b ka:zi: ko hala:l hai* (PN, 39) 'Дармовое вино судье [пить] дозволено' (см. *hala:l hona*: 'быть дозволенным', 'разрешаться'), *ha:l ke antim kone baiThi: hui: ni:sha:t ko bhi: kuch khaTak mahsu:s hui:* (NK, 1962.П, 46) 'Сидящая в дальнем углу зала Нишат тоже ощутила некоторое беспокойство' (см. *mahsu:s hona*: 'быть ощутимым');

г) глагольной формой носящей характер особого залога — аффективного («основа полнозначного глагола + изменяемый в парадигме вспомогательный глагол *paRna*:»): *...tabhi: use (= ratnaprabha: ko) yah pad sun paRa:* (JK, 101) '...тогда ей (Ратнапрабхе. — В. Л.) послышалась эта строфа' (см. *sunna*: 'слышать', 'слушать');

д) конструкцией долженствования: *us vyakti ko kisi: kes meM polhora:m se sala:h leni: thi:* (BD, 21) 'Тому человеку необходимо было получить у Польшорама совет по какому-то судебному делу', *abki: sudha: ke sa:th nirmala: ko a:na: paRa:* (PN, 162) 'На этот раз Нирмале пришлось приехать вместе с Судхой';

е) его (именного компонента) семантическим весом в роли бенефицианта вне прямой зависимости от валентности и/или лексической семантики глагола: *ek-ek kSaN ra:ja:ra:m ko paha:R ho raha: tha:* (YD, 244) 'Каждый миг был для Раджарама мучительным (букв. Раджараму становился горой)', *iske ba:d se ra:ja: ko kaha:ni: sunne ka: shauk khatam ho gaya:* (JY. 16.01.1977) 'С этого времени у раджи пропало всякое желание слушать сказку (букв. радже страсть слушать сказку кончилась)';

Таким образом, предложения, воплощающие *ko*-конструкцию, принимаемую за одну из посессивных конструкций языка хинди, вписываются в синтаксическую парадигму, охватывающую предложения, в которых именной компонент *N-ko* (равно как и местоимение в объектном падеже) проявляет себя как то, что в референциально-ролевой грамматике [8, с.389-390] называется прагматическим пиком — именной группой, наиболее значимой в предложении с точки зрения речевой выделенности и фокуса интереса говорящего (пишущего).

В отличие от глагола *hona*: языка хинди русский глагол *быть* не располагает набором аспектуально окрашенных форм, употребление которых могло бы повлечь расширение семантического диапазона посессивных конструкций.

Глаголу *быть* весьма близки по значению лексемы *быва́ть*, *иметься*, и эта семантическая близость проявляется у них и при выражении посессивного отношения: *У меня самой такие бывают мигрени...* (И. Тургенев), *У диспетчера имеется ключ циркулярного вызова* (С. Антонов). Глаголу *быва́ть* свойственно привносить семантический оттенок эпизодичности происходящего: *У нас в институте бывают лекции по истории кино* [40, с.74]. В хинди этому глаголу находят эквивалент в виде той или иной имперфективной формы глагола *hona*:¹². В частности, первое из приведенных выше предложений имеет в переводе на хинди следующий вид: *tujhe bhi: kabhi:-kabhi: adhsi:si: ka: aisa: bhaya:nak dard hota: hai ki...* (ТК, 186). Глагол *иметься* в отличие от *быть* скорее характерен для книжного, официального языка [27, с.172].

Далее, с глаголом *быть* посессивной конструкции могут быть семантически связанными на парадигматической оси глагол *водиться* (в одном из его значений), глаголы *оказаться*, *найтись*: *У него водились книги, большей частью военные, да романы* (А. Пушкин), *У Варвары Петровны оказались неожиданно свои понятия* (А. Толстой), *У него, к счастью, нашлись спички*.

Перечень глаголов, семантически связанных с *быть* на парадигматической оси при выражении посессивного отношения, дополняют (*не*) *хватать*, (*не*) *хватить*, *недоставать*: {*У студентов, Студентам*} {*хватает, не хватает, не хватило, хватит, не достает*} времени на подготовку к экзаменам. См. извлеченные из текстов художественной литературы примеры, каждый из которых переведен на хинди с использованием глагола *hona*: в посессивной конструкции: *Но пусть судит меня Бог, у меня не хватает мужества поступить по совести* (А. Чехов) — *kintu, bhagva:n ma:f kare! tujh meM apni: antara:tma: ki: a:va:z sunne ka: sa:has nahi:M hai* (CL, 68) ≈ букв. ‘...во

¹² Весьма показателен следующий пример на перевод с русского языка на хинди:

Выслушав рассказ, люди соглашаются:

— *Бывает и так, — всё бывает... ..*

«*Было*», «*бывает*», «*бывало*» —

слышу я (М. Горький).

aur jab da:sta:n khatm ho ja:ti:, tab du:sre huMka:ra: bharte — “*ha:M, aisa: bhi: hota: hai. sab kuch hota: hai... ..*”

sabhi: ke muMh se yahi: suna:i: paRta:; “aisa: hua: tha:”, “aisa: bhi: hota: hai”, “aisa: bhi: hua: karta: tha:” (GM, 22)

мне нет мужества слушать голос своей совести'; У одного только меня не хватало мужества отказывать ей во внимании (А. Чехов) — *ghar meM maiM hi: akela: aisa: tha: jise uski: ba:t par dhyu:n na dene ki: himmat nahi:M hoti: thi:* (CL, 76) ≈ букв. 'В доме лишь я был единственным таким, которому не было мужество не обращать внимания на ее слова'; У Андрея Ефимыча не хватило характера настоять на своем, и он скрепя сердце поехал в Варшаву (А. Чехов) — *a:ndrei: yefi:mic jin meM itni: shakti nahi:M thi: ki vah apni: ba:t par DaTe rahte, man ma:rkar apne mitra ke sa:th va:rsa: gaye* (CL, 202) ≈ букв. 'Андрей Ефимыч, в котором такая сила не была, чтобы он настаивал на своем, скрепя сердце со своим другом поехал в Варшаву'.

В составе посессивной конструкции языка хинди глагол *hona:* может выступать, будучи компонентом (в виде деепричастия-основы) предельной формы («интенсивного глагола») или компонентом (в частности, в виде причастия) бивербального словосочетания, являющегося средством выражения совершаемости (способа действия): *nirmala: ko a:j nai: cinta: ho gai: — ji:van kaise pa:r lagega:!* (PN, 116) 'Нирмалу теперь (букв. сегодня) обуяла новая забота: как жить дальше?!', *jan-sa:dha:raN ko ye ci:zeM khari:dne meM zara: suvidha: ho ja:egi:* (KE, 179) 'У простого люда появится хоть какая-то возможность покупать эти вещи', ...*aur yadi use a:ne meM kuch bhi: vilamb ho ja:ta: to vya:kul se ho ja:te* (ST, 19) '...а если ему случалось задерживаться (букв. ему задержка случалась) хоть немного, [дети] приходили в смятение', *jiya:ra:m ko apne gharva:loM se ciRh hoti: ja:ti: thi:* (PN, 156) 'Джиярама все больше брала досада на домашних', *tumha:re rahne se use taski:n hoti: rahegi:* (PN, 113) 'Пока ты будешь рядом с ним (с Мансарамом.— В. Л.), ему будет покойно' (см. *taski:n* 'покой').

Сферу функционирования посессивных конструкций (преимущественно *ko*-конструкции) расширяют бивербальные словосочетания, где некоторые из глаголов, привнося специфический смысловой оттенок, обнаруживают синтагматическую связанность с глаголом *hona:* (как первым компонентом словосочетаний) в его нефинитной форме:

(а) супинный инфинитив + *lagna:* 'прикладываться', 'прилагаться' (> 'приниматься', 'начинать'): ...*isi:lie zara:-zara: si: ba:t par unheM shak h one lagta: hai* (PN, 140) '...вот почему они начинают сомневаться (ср. *shak* 'сомнение') по малейшему поводу' [ср.: *hameM a:p par shak hai* (AD, 95) 'Мы вам не доверяем' (букв. 'Нам на вас подозрение/сомнение есть')];

(б) супинный инфинитив + *pa:na:* 'получать': ...*vaha:M tumheM koi: takli:fna h one pa:vegi:* (PN, 112) '...там ты будешь избавлен от всяких тягот' [ср.: *a:p ko koi: takli:fna h o gi:* (SK, 67) 'У вас не будет никаких тягот'];

(в) супинный инфинитив + *dena:* 'давать' (> 'разрешать', 'позволять'): *tumheM maiM kisi: praka:r ka: kaSTa nahi:M h one du: Mga:* (AY 1, 19) 'Я не допущу, чтобы вы страдали' (см. *kaSTa* 'страдание') [ср.: *tumheM kisi: tarah ka: kaSTa na h o ga:* (PG, 147) 'У вас не будет никаких затруднений'];

(г) герундиальный инфинитив с послелогом *ko* + *hona:* 'быть', 'становиться' (> 'появляться'): *rahma:n ko ulTi: h one ko hui:* (BD, 132) 'Рахмана стало тошнить' (см. *ulTi:* 'тошнота');

(д) деепричастие-основа + *sakna*: ‘мочь’, ‘быть в состоянии’: *lekin devendra prata:p ko is haveli: se kya: dilcaspi: ho sakti: hai?* (SK, 74) ‘Но какой интерес может быть у Девендры Пратапа к этому особняку?’ [ср.: *manne ko nama:z meM koi: dilcaspi: nahi:M thi:* (GS, 94) ‘У Маннэ к намазу никакого интереса не было’];

(е) герундивный инфинитив + *ca:hiye (ca:hie)* ‘желательно’, ‘нужно’, ‘надо’ (<*ca:hna*: ‘хотеть’, ‘желать’): *tab to mujhe usse i:rSya: honi: ca:hie* (AD, 35) ‘Тогда мне надо завидовать ему’ (см. *i:rSya*: ‘зависть’) [ср.: *mujhe us samay usse bahut-bahut i:rSya: ho rahi: thi:* (RA, 194) ‘Я тогда здорово ему завидовал’], *paristhiti ke anusa:r a:dmi: meM apne ko badal dene ki: ta:kat honi: ca:hie* (UK, 66) ‘Человеку нужно иметь силу, чтобы изменять себя сообразно обстоятельствам’.

Русский глагол *быть*, оставаясь компонентом посессивной конструкции, подвергается модальной модификации в предложениях типа *У него должны быть деньги, У него могут быть возражения*. См.: *Впрочем, у каждого на этот счет может быть свое мнение* (Л. Толстой); [Астров:] *В человеке должно быть всё прекрасно: и лицо, и одежда, и душа, и мысли* (А. Чехов).

Посессивные конструкции в межмодельных модификациях

С точки зрения реляционной грамматики посессивную *ko*-конструкцию языка хинди можно считать входящей в круг конструкций с дативным подлежащим — *dative subject constructions* [68, с.815; 61, с. 163].

Отношением межмодельной модификации она в определенной мере связана с конструкцией, маркированной глаголом, выражающим общую идею активного действия («делать»), а именно глаголом *karna*:, в сочетании с которым имя (местоимение), соответствующее Посессору посессивной конструкции, характеризуется в функции подлежащего прямопадежной формой или (что наблюдается при перфективных глагольных формах) выступает в падежно-послеложной форме с послелогом *ne*. См. ниже пары примеров на такие предложения, в которых воплощены противопоставляемые конструкции:

daya:shankar ko bhi: use bula:ne ki: himmat nahi:M hoti: (SN, 45) ‘Даже Даяшанкар не решается позвать ее’ — *sab unse bacte the, koi: sir uTha:ne ki: himmat na karta: tha:* (GS, 188) ‘Все его избегали; никто не смел поднять голову’ (*himmat* ‘решимость’, ‘смелость’);

ra:ma: ko ratti: se baRa: pya:r tha: (SB, 17) ‘Рама испытывала к Ратти большую привязанность’ — *...si:ta: somna:th se pya:r karti: thi:...* (SK, 81) ‘...Сита любила Сомнатха...’ (*pya:r* ‘любовь’, ‘привязанность’);

lekin ek aur a:dmi: par bhi: mujhe sandeh hai (SK, 73) ‘Но я также подозреваю еще одного человека’ — *a:p mujh par sandeh kar rahe the?* (SK, 80) ‘Вы меня подозревали?’ (*sandeh* ‘подозрение’);

ra:usa:hab ko us par rupaye-paise ke ma:mle meM pu:ra:-pu:ra: vishva:s tha: (ST, 62) ‘У райсахиба было к нему полное доверие в денежных делах’ — *maiM use kitna: nek samajhta: tha:; us par kitna: vishva:s karta: tha:* (ST, 27) ‘Каким благородным я его считал, какое доверие ему оказывал!’ (*vishva:s* ‘доверие’);

a:p ko vyartha hi: kaSTa hua: (PN, 108) ‘Вы зря мучились’ — *a:p ne itna: kaSTa kislie kiya:* (KE, 81) ‘Ради чего вы так обеспокоились?’ (*kaSTa* ‘муки’, ‘затруднения’, ‘усилие’, ‘беспокойство’).

Указанной межмодельной модификацией может затрагиваться и посессивная *ka:-*конструкция: *mera: to in sab DhakosloM meM vishva:s hi: nahi:M hai. tum ne bhi: kabhi: nahi:M bata:ya: ki tum in sab meM vishva:s karti: ho* (YS, 216) ‘Я совсем не верю (букв. моя вера не есть > моей веры нет) во все эти басни. Да и ты сама никогда не говорила, что ты веришь (букв. веру делаешь) в них’.

Разумеется, что возможности отмеченной межмодельной модификации ограничены со стороны лексики кругом имен существительных, способных выступать в предложениях, манифестирующих противопоставляемые конструкции, когда в одном случае имя выступает на структурно-синтаксическом уровне предложения как подлежащее, обозначая объект обладания, а в другом случае — как прямое дополнение при глаголе *karna:* ‘делать’.

Из двух моделей — *X-ko Y hona:* и *{X, X-ne} Y karna:* — первая отличается семантической чертой «инвольтивность».

В общем же семантический компонент, определяющий специфику имени объекта обладания в посессивной конструкции, может встретиться в разных по строению и/или составу предложениях, предопределяя ассоциативную связь последних с предложением, воплощающим посессивную конструкцию: *is vakt bhi: uske ghar na ja:ne ki: kise cinta: hogi:?* (PN, 186) ‘И на этот раз разве будет кто-либо беспокоиться (букв. разве будет кому-либо беспокойство) из-за того, что он не придет домой?’ (представлена посессивная *ko-*конструкция; *cinta:* ‘беспокойство’, ‘озабоченность’) — *tum rupayoM ki: cinta: mat karo* (GD, 32) ‘Ты о деньгах не беспокойся’ — *maiM to khud cinta: rakhta: hu:M* (HK, 79) ‘Я сам беспокоюсь’ — *is khabar ko sunkar maiM eka:ek cinta: meM paR gaya:* (JT, 88) ‘Услышав эту новость, я тут забеспокоился (букв. пал в беспокойство)’ — *ma:sTar ji: bahut cintit the* (YV, 336) ‘Учитель был весьма обеспокоен’ (*cintit* ‘обеспокоенный’).

Подобное, естественно, наблюдается и в русском языке. См. ниже примеры, извлеченные из текста рассказа «Душечка» А. П. Чехова: *А главное, что хуже всего, у нее уже не было никаких мнений; Она повторяла мысли ветеринара и теперь была такого же мнения, как он; И она уже имела свои мнения....*

Особые модели предложений со значением посессивности

В хинди существует синтаксическая модель, по которой образуются предложения, несущие значение результитивного состояния. При определенных условиях в таких предложениях, построенных с участием перфективного причастия от переходного глагола, проступает и значение посессивности: *vah kri:m rang ki: pu:ri: ba:MhoM ki: u:ni: jaikeT pahne hue thi:* (LK, 108) 'На ней был (букв. она надевши была) шерстяной жакет кремового цвета с длинными рукавами' или 'Она была в шерстяном жакете...', *ha:th meM vah ek thaila: liye thi:* (LK, 128) 'В руках она держала (букв. взявши была) сумку' (= 'В руке у нее была сумка' или 'Она была с сумкой в руке'), ...*aMgu:Thi: milne ki: bi:rbal ko katai: koi: a:sha: nahi:M di:kh rahi: thi:, par vah apna: dhairya saMbha:le hue tha:* (BG, 24) '...на обретение перстня Бирбал уже не питал никаких надежд, но головы не терял (букв. выдержку поддержавши был)'. В определенных контекстах она способна передавать смысл предложений русского языка, воплощающих посессивную конструкцию, что видно на примере переводов: *Глядите, у молодого топор!* (М. Горький) — *chokra: kulha:Ri: liye hue hai* (GM, 174) ≈ букв. 'Парень топор взявши есть'; ...*у них (хозяек вод. — В. Л.) есть лорнеты, они менее обращают внимания на мундир...* (М. Лермонтов) — *ve ha:thoM meM lagneT liye thi:M aur fauji: vardi: ko hauva: nahi:M samajhti: thi:M* (LH, 94) ≈ букв. 'Они в руки лорнеты взявши были и военную форму пугалом не считали'. В приведенных предложениях языка хинди упомянутая модель (согласно точке зрения Г. М. Дашенко, субъектный результив, выраженный результитивным причастием переходного глагола в функции предикатива [19, с. 163 и сл.]) проявляет себя в качестве диатезного типа, именуемого в лингвистической литературе посессивным результивом [42, с.9-10].

В русском языке предложения типа *Он (был) надевши шапку* являются достоянием говоров. Преимущественно в говорах русского языка реализуются конструкции с так называемым посессивным перфектом, в число компонентов которых наряду с «у + род. п. + (быть)» входит страдательное причастие (страдательное по форме, если глагол оказывается непереходным) прошедшего времени. Предложениям, их воплощающим, присуще значение состояния как такого результата действия, который мыслится принадлежащим субъекту: *У меня деньги отложены, У его корову украли, Мужик-то у ней убито, У них приехало гостей, У меня выспанось-то теперь* [27, с. 181—183]. В какой-то своей части конструкции с «посессивным перфектом» могут быть дополнены конструкциями с «посессивным плюсквамперфектом»: *У меня было плакано.*

В качестве особой разновидности посессивной конструкции русского языка можно рассматривать конструкцию, воплощаемую в таких предложениях, как *Мне есть где спать* и *Мне негде спать. Нам есть что делать* и *Нам нечего делать. Нам будет о чем думать* и *Нам не о чем будет думать,*

Мне было что делать и *Мне нечего было делать*¹³. В ней Посессором допустимо считать имя (местоимение) в дативе, а Принадлежностью — комплекс, состоящий из вопросительно-относительного местоименного слова (или его отрицательного коррелята) и синтаксически главенствующего над ним (т. е. влияющего в силу своей синтаксической валентности и/или семантической избирательности на выбор его формы) глагола в инфинитиве¹⁴. Примечательно, что для передачи смысла соответствующих предложений русского языка хинди может прибегать к своим посессивным конструкциям:

— *Нам с Васечкой некогда по театрам ходить*, — отвечала она степенно... (А. Чехов) — *tere aur va:sicka: ke pa:s ThiyeTar ja:ne ke liye samay nahi:M hai*, *vah sha:ntipu:rvak uttar deti*: (СК, 12);

А по моему мнению, вы, господа почтенные, любите газеты оттого, что вам выпить не на что (А. Чехов) — *yah mera: vishva:s hai, a:daraNi:ya maha:nubha:vo, ki a:p logom ko akhba:r is lie adhik priya hai ki a:p ke pa:s shara:b pi:ne ke lie paisa: nahi:M hai* (CL, 17);

Но тебе не для чего горячиться, мне ведь это совершенно всё равно (И. Тургенев) — *lekin tumheM is tarah baukhla:ne ki: zaru:rat nahi:M, kyomki mujhe is se koi: fark nahi:M paRta*: (ТР, 322);

...сожалеть ему было о чем, стыдиться — нечего (И. Тургенев) — *...aisa: to bahut kuch tha: jiska: use (= us ko) khed tha:, lekin aisa: kuch bhi: nahi:M tha: jis par vah lajjit ho* (ТК, 229);

Теперь же, узнав, что Андрей Ефимыч нищий, что ему нечем жить, он (Михаил Аверьяныч. — В. Л.) почему-то вдруг заплакал... (А. Чехов) — *ab yah ma:lu:m hone par ki a:ndrei: yefi:mic bilkul nirdhan hai aur ji:vit rahne ke lie us ke pa:s koi: sa:dhan nahi:M hai, vah ja:ne kyom eka:ek ro paRa:...* (CL, 221).

Выше в качестве имени объекта обладания использованы *samay* ‘время’ (в *ke-pa:s*-конструкции), *paisa:* ‘деньги’ (в *ke-pa:s*-конструкции), *zaru:rat* ‘нужда’, ‘необходимость’ (в *ko*-конструкции), *khed* ‘сожаление’ (в *ko*-конструкции), *sa:dhan* ‘средство’ (в *ke-pa:s*-конструкции).

О глаголе типа «иметь» и его эквивалентах

В хинди нет глагола, который был бы эквивалентен глаголам семантики «иметь» других языков (ср.: русск. *иметь*, англ. *have*, фр. *avoir*, нем. *haben*, исп. *haber*, перс. *даштән*). В нем, однако, есть переходный многозначный глагол, в семантической структуре которого значение «иметь» лишь сосуществует с другими значениями, как-то: «класть» и «ставить», «держатъ»,

¹³ В лингвистической литературе имеется статья, посвященная описанию данной конструкции; см. [66, с. 1-33].

¹⁴ Следует отметить, что в предложениях типа *Я нашел где спать*, *Купите мне чем писать*, *Принеси мне во что завернуть эту книгу* [66, с. 17] упомянутый комплекс соотносим на парадигматической оси с именем существительным (например, *сеновал*, *карандаш*, *бумагу*). Ср. также: *Он изнывал от нечего делать* и *Он изнывал от безделья*.

«хранить» и др. Это глагол *rakhna:*, восходящий к санскритскому *rakS* ‘охранять’, ‘сторожить’, ‘защищать’: *pramila: ka: pita: aur koi: sampatti nahi:M rakhta: tha:* (GD, 142) ‘Отец Прамилы не имел никакой другой собственности’, *ve a:rthik dRISTi se madhyam varga se sambandh rakhte the* (GD, 144) ‘По своему экономическому положению (букв. с экономической точки зрения) они имели отношение к среднему классу’, *maiM bhu:toM meM vishva:s nahi:M rakhta:* (KE, 66) ‘Я не верю (букв. веру не имею) в духов’.

Ср. использование данного глагола в других значениях: “*kyoM kya: ba:t hai?*” *ta:ra: ne ha:th shya:ma: ke ma:the par rakhtar pu:cha:* (YB, 488) ‘«Так в чем же дело?» — спросила Тара, положив руку на лоб Шьямы’, *choTe va:le bhi: rakh di:jiye* (YB, 211) ‘Маленькие [бокалы] тоже поставьте’, *dekho ji: ab se hamesha: pa:s meM kuch rupae rakha: karo* (US, 35-36) ‘Гляди же, впредь всегда держи при себе какую-то сумму’, *lekin jab koi: sho karte haiM aur usmeM baRe-baRe usta:doM ko bula:te haiM to TikaT ka: da:m sau rupaya: rakhte haiM* (KE, 165) ‘Но когда [вы] устраиваете представление и приглашаете для участия в нем крупнейших мастеров, то один билет оцениваете в сто рупий (букв. цену билета сто рупий устанавливаете)’.

Таким образом, глагол *rakhna:* относится к числу лексических единиц, служащих в силу своих семантических особенностей выражению значения посессивности. Не удивительно поэтому, что ему находится место в предложениях, соответствующих по смыслу русским предложениям, где используется глагол *иметь* или воплощается посессивная конструкция:

...[она] имеет двух горничных, кучера... (А.Чехов) — ...*vah do naukra:niya:M aur ek kosva:n rakhe hue hai...* (CL, 113);

У него есть под подушкой и под матрацем что-то такое, чего он никому не показывает... (А. Чехов) — *vah apne takiye ya: gadde ke ni:ce kuch ci:z chipa:kar rakhta: hai...* (CL, 175);

У него бодрый, здоровый вид, роскошные седые бакены... (А. Чехов) — *vah bhale cange dikha:yi: dete haiM, sundar ghani: safed galmu:che rakhte haiM...*(CL, 185).

Принадлежность русского языка к *Е*-языкам скрадывается в некоторой степени тем, что он располагает глаголом *иметь*, использованием которого достигается передача значения, определяющего семантику посессивных конструкций. Это хорошо иллюстрируется таким примером: *Нужно знать, что у буржуа есть некоторые пренаивные и пресерьезные потребности, почти обратившиеся в привычку. Буржуа, например, кроме потребности накопить и потребности красноречия, имеет еще две потребности, две законнейшие потребности, освященные всеобщей привычкой и к которым он относится чрезвычайно серьезно, чуть не патетически* (Ф. Достоевский); ср.: *у буржуа есть потребности и буржуа имеет потребности*. Это же видно из сопоставления предложений внутри каждой пары приводимых ниже примеров:

У него было два сына (А.Чехов) — ...он был женат и имел сына... (А. Чехов);

У меня есть друг, по фамилии Самородов (А. Чехов) — ...он ни с кем близко не сходился и друзей не имел (А. Чехов);

У него уже была своя пара лошадей и кучер Пантелеймон в бархатной жилетке (А. Чехов) — По милости Пугачева, я имел добрую лошадь... (А. Пушкин);

У его отца в Харькове большой дом и под Харьковом имение (А. Чехов) — ...[он] имеет в Москве два дома... (А. Чехов);

Я помню все хорошо; у вас уже тогда было такое лицо, которого не забываешь... (И. Тургенев) — [Городничий:] Один из них, например, вот этот, что имеет толстое лицо... не вспомню его фамилии, никак не может обойтись без того, чтобы, взошедши на кафедру, не сделать гримасу (Н. Гоголь);

Было у него странное обыкновение— ходить по нашим квартирам (А. Чехов) — Майор Ковалев имел обыкновение каждый день прохаживаться по Невскому проспекту (Н. Гоголь);

В городе у Старцева была уже большая практика (А. Чехов) — В городе он имеет громадную практику... (А. Чехов);

Впрочем, у каждого на этот счет может быть свое мнение (Л. Толстой) — Он имел о себе самое высокое мнение... (И. Тургенев);

Счастье не шло ко мне; даже когда у меня были надежды на счастье, сердце у меня всё щемило (И. Тургенев) — ...я не имею надежды отыскать ту, над которой подшутил я так жестоко и которая теперь так жестоко отомщена (А. Пушкин);

— Я богаче вас, — сказал я, — у меня, кроме этого, есть еще убеждение — именно то, что я в один прегадкий вечер имел несчастье родиться (М. Лермонтов) — — Я имею на этот счет очень определенное убеждение, уверяю вас, — ответил я... (А. Чехов);

Мне крайняя нужда в деньгах. Готовый ко услугам Иван Зурин (А. Пушкин) — [Городничий:] Если вы точно имеете нужду в деньгах или в чем другом, то я готов служить сию минуту (Н. Гоголь).

Вполне естественное сходство в семантике между русскими предложениями с глаголом *иметь* и предложениями языка хинди, воплощающими possessивные конструкции, подтверждается примерами на перевод как с русского на хинди, так и с хинди на русский:

По милости Пугачева, я имел добрую лошадь... (А. Пушкин) — *riga:cev ko dhanyava:d deta: hu:M jis ki: kRipa: se mere pa:s bahut baRhiya: ghoRa: tha:* (PK, 94);

Майор Ковалев имел обыкновение каждый день прохаживаться по Невскому проспекту (Н. Гоголь) — *mej ar kova:lev ko roz nevski: evenyu: par Tahalne ki: a:dat thi:* (GK, 347);

Он имел о себе самое высокое мнение... (И. Тургенев) — *ar ne ba:re meM unki: bahut hi: u:Mc i: ra:y thi:* (TP, 120);

...он был женат и имел сына... (А. Чехов) — *vah viva:hit tha: aur uske ek laRka: bhi: tha:...*(СК, 13);

ta:ra: ka: is ta:mle se kuch samarka nahi:M hai (YB, 529) — А Тара ко всему этому не имеет никакого отношения (Я, 410);

ma:sTar ji ko pres ke ka:m ka: anubhav zaru:r nahi:M tha: parantu itne kacce bhi: nahi:M the ki rahasya na samajh ja:te (YB, 353) — *Хоть отец Пури (букв. учитель) не имел опыта в типографском деле, он не был таким простаком, чтоб не понять подоплеку дела* (Я, 285).

Глаголу *иметь (кого-что)* семантически близок в одном из своих значений глагол *держат*: *Григорий держал бакалейную лавочку...* (А. Чехов), *Елизаров давно уже был подрядчиком, но не держал лошади, а ходил по всему уезду пешком...* (А. Чехов). Хотя он и перекликается семантически с упомянутым выше глаголом *rakhna:* языка хинди (например, *держат коров, лошадей* = *ga:yeM, ghoRe rakhna:*), для передачи смысла предложений, его содержащих, хинди все же прибегает к посессивным конструкциям: *grigori: ki: parcu:n ki: du:ka:n thi:* (CL, 296), *yeliza:rov bahut dinoM se Thekeda:ri: karta: tha: par uske pa:s ghoRa: na tha: aur sa:re zile meM vah paidal cakkar laga:ya: karta: tha:* (CL, 319).

Будучи переходным, глагол *иметь (кого-что)*, как, впрочем, и отмеченный выше *держат (кого-что)* в соответствующем значении, входит в число разных по синтаксическим свойствам глагольных лексем, обслуживающих сферу выражения посессивности, воспринимаемой в различных ее аспектах: *владеть (кем-чем)*, *обладать (кем-чем)*, *располагать (кем-чем)*, *приобретать (кого-что)*, *получать (кого-что)*, *присваивать (кого-что)*, *терять (кого-что)*, *лишаться (кого-чего)*, *распоряжаться (кем-чем)*, *располагать (кем-чем)* и др.

О неличном Посессоре посессивных конструкций

Выше рассматривались предложения языков хинди и русского, отвечающие важнейшему условию того, чтобы выражаемая посессивность носила прототипический характер: в них именем (местоимением) посессора обозначается лицо (или, иначе говоря, Посессором является личное имя существительное, личное местоимение или эквивалент последнего). Близко к ним стоят предложения с «корпоративным» Посессором, т. е. предложения, где в роли Посессора выступает имя, обозначающее определенную общность (функциональную и др.) людей: *maiM to yah samajhta: hu:M ki ha:us ko apne niyat bana:ne ka: pu:rNa adhika:r hai* (VR, 73) ‘Я полагаю, что у палаты есть полное право вырабатывать свои законы’, *maiM pu:chna: ca:hta: hu:M ki relve-kampani: ko kya: adhika:r hai ki vah is tarah rang-bhed barte?* (VB, 435) ‘Я хочу спросить, какое право имеет железнодорожная компания так разделять [людей] по цвету кожи?’, *pulis ko ghaTna: ke pi:che SaDyantra-ka:riyoM ka: ka:fi: baRa: sangaThan hone ka: sandeh tha:* (YB, 229) ‘У полиции было подозрение, что за [этим] событием стоит достаточно крупная организация заговорщиков’, *sulta:n ki: sena: ko apne pura:ne anubhavoM ke a:dha:r par vishva:s tha: ki hinduoM meM laRne va:le das pratishat se bhi: kuch kam hote haiM* (VM, 268) ‘Войско султана на основании своего опыта было уверено

(букв. войску султана... уверенность была), что среди индусов число готовых сражаться не превышает десяти процентов'; ...у общества нет высших интересов... (А. Чехов), У каждого учреждения был свой участок, где могли рыбачить (Б. Екимов).

Неличный Посессор типичен для предложений, воплощающих *теМ*-конструкцию и *ка*:-конструкцию:

sansa:r ke itiha:s teM iske anek prama:N haiM (UK, 95) 'В мировой истории этому есть целый ряд доказательств', *brajbha:Sa: teM do parampara:eM thi:M...* (KB, 33) 'В творчестве на брадж-бхаша имелись две тенденции...', *pu:Mji:va:d teM bhi: doS haiM* (GD, 238) 'И у капитализма есть изъяны';

pu:Mji:va:d ka: ek aur bhi: doS hai (GD, 238) 'У капитализма есть и еще один изъян', *har desh ki: kala: aur sanskRIti ka: ek apna: svabha:v hota: hai* (KE, 164) 'Искусство и культура каждой страны имеют свой [неповторимый] характер', *ra:STra-bha:Sa: ka: ra:STra ke ji:van teM visheS mahatva hota: hai* (Bh, 1986.I) 'Национальный язык имеет особое значение в жизни нации'.

Использованием *ко*-конструкции в случае с неличным Посессором обуславливается метафоричность высказывания: *pramod, yah ba:t to Thi:k hai ki satya ko sada: naye prayogoM ki: apekSa: hai* (JT, 74) 'Это, Прамод, верно, что истина всегда ожидает (букв. что истине ожидание есть) новых проверок на опыте', *baRi: ba:ri:k kaTi: hui: gha:s thi:, jiske kha:ne se da:MtoM ko zara: bhi: kaSTa nahi:M hota: tha:* (KE, 80) '[Это] была нежная мелкопорезанная трава, жевать которую зубам не составляло труда (букв. зубам ни малейшей трудности не было)', *har peR ko khatra: hai, har patte ko khatra: hai:* (KE, 100) 'Каждому дереву грозит (букв. есть) опасность, каждому листочку грозит (букв. есть) опасность'.

Неличный, но одушевленный Посессор наличествует в следующих предложениях: *pratyek ci:MTi: ke chah Ta:MgeM hoti: haiM* (VL, 1960. IX, 31) 'У каждого муравья есть шесть ножек' (*ке*-конструкция), *isi: praka:r torni: ki: bhi: lambi: aur sundar pu:Mch nahi:M hoti: hai* (VL, 1960. V, 15) 'Равным образом и у павы нет длинного и роскошного хвоста' (*ка*:-конструкция), *ham gadhoM teM kisi: praka:r ka: ja:ti:ya bhed-bha:v nahi:M hai* (KE, 77) 'У нас, ослов, нет никакой расовой дискриминации' (*теМ*-конструкция), *a:j tere ka:raN har ji:v-jantu ko khatra: hai* (KE, 100) 'Ныне из-за тебя каждому живому существу грозит (букв. есть) опасность' (*ко*-конструкция).

Предложения русского языка с неличным Посессором иллюстрируются следующими примерами: — *В этой книге есть и цель и сердце, — говорил он* (М. Горький), ...*но в нем (голосе Якова. — В. Л.) была и неподдельная глубокая страсть, и молодость, и сила, и сладость, и какая-то увлекательно-беспечная, грустная скорбь* (И. Тургенев), — *В каждом слове есть свое зернышко, — продолжал Тятюшкин* (С. Антонов), *В стенгазете была передовица, списанная с отрывного календаря* (С. Антонов), *У терема широкие ступени и маленькая дверь в глубине крыльца* (Ю. Домбровский), *У города Верного в то время была тревожная и плохая слава* (Ю. Домбровский).

К вопросу об именных конструкциях

Из именных конструкций языка хинди на выражении посессивности, характеризваемой значением принадлежности (а не обладания), специализируется конструкция $N^1 ka: N^2$. Данной моделью отражается строение атрибутивных синтагм: N^2 соответствует их синтаксически ведущему (главенствующему, опорному, стержневому) компоненту, или «хозяину», а $N^1 ka:$ (где $ka:$ — послелог, согласуемый в рамках адъективной парадигмы словоизменения) — их синтаксически подчиненному (зависимому) компоненту, или «слуге». Применительно к выражению посессивного отношения N^1 предстает (воспринимается) как имя субъекта обладания, или Посессор, N^2 — как имя объекта обладания, или Принадлежность: *ba:p ka: ghar* ‘дом отца’ (< букв. ‘отца дом’), *ya:triyom ka: sa:ma:n* ‘багаж пассажиров’, *sipa:hiyom ki: baha:duri:* ‘храбрость воинов’, *cauki:da:r ke kutte* ‘собаки сторожа’, *kamre ka: darva:za:* ‘дверь комнаты’. Позиция, отводимая для $N ka:$, может быть занята притяжательным местоимением: *tumha:ra: ghar* ‘ваш дом’, *mera: sa:ma:n* ‘мой багаж’ и т. п.

Указанную модель отличает весьма широкий семантический диапазон: *laRki: ki: kita:b* ‘книга девочки’, *kisa:n ka: beTa:* ‘сын крестьянина’, *luha:r ke ha:th* ‘руки кузнеца’, *sona ka: pya:la:* ‘золотая чаша’, ‘чаша из золота’ (*sona:* ‘золото’), *tulsi:da:s ki: ra:ma:yaN* «Рамаяна» Тулсидаса’, *u:MT ki: cori:* ‘кража верблюда’, *bhauMroM ka: gunjan* ‘жужжание шмелей’, *chu:t ke rog* ‘заразные болезни’ (*chu:t* ‘инфекция’), *ja:ti ka: kaha:r* ‘кахар по касте’, *asa:Rh ka: mahi:na:* ‘месяц асарх’, *balu:t ka: peR* ‘дерево дуб’, *phu:loM ki: komalta:* ‘нежность цветов’, *alma:ri: ki: ca:bi:* ‘ключ от шкафа’, *striyom ki: bhi:R* ‘толпа женщин’, *roTi: ke TukRe* ‘кусочки хлеба’, *ra:t ki: ghaTna:* ‘ночное происшествие’ (*ra:t* ‘ночь’), *sabzi: ka: thaila:* ‘сумка с овощами’, *shara:b ka: gila:s* ‘стакан вина’, ‘стакан с вином’, *gila:s ka: pa:ni:* ‘вода в стакане’, ‘стакан с водой’ (букв. ‘стакана вода’), *ca:biyom ka: guccha:* ‘связка ключей’, *dashahre ki: chuTTiya:M* ‘каникулы по случаю [праздника] дашахра’, *lanc ki: chuTTi:* ‘перерыв на обед’, *do ghaNTe ki: chuTTi:* ‘двухчасовая перемена’ (букв. ‘двух часов перерыв’), *gya:rah ratti: ka: hi:ra:* ‘бриллиант [весом] в одиннадцать ратти’, *kari:b sau bi:ghe ki: khudka:sht* ‘угодьё примерно в сто бигхов’, *ti:s mi:l ki: manzil* ‘расстояние в тридцать миль’, *das varSa ki: laRki:* ‘десятилетняя девочка’ (*varSa* ‘год’), *do sau rupaye ka: jurma:na:* ‘штраф в двести рупий’, *ti:n rupaye ki: kita:b* ‘книга стоимостью в три рупии’ (букв. ‘трех рупий книга’), *pa:Mc kism ki: i:MTeM* ‘кирпичи пяти видов’ (в последних восьми примерах компонент N^1 предварен количественным числительным) и др.

Принимая во внимание такое семантическое разнообразие синтагм, воплощающих конструкцию $N^1 ka: N^2$, можно предположить, что не все они обслуживают сферу выражения отношения посессивности. Вопрос о том, какие из них принадлежат данной сфере, решается исследователями по-разному.

Четкую позицию по этому вопросу занимает Я. Качру. Согласно ее точке зрения, значением посессивности отличаются только такие синтагмы (генитивные фразы — в терминах Я. Качру), строящиеся по модели $N^1 ka: N^2$, которые производны от (выводимы из) предикативных структур (предложений), передающих посессивное отношение, что демонстрируется на примере следующих корреляций: *ra:m ki: beTi:* ‘дочь Рама’ ← *ra:m ke ek beTi: hai* ‘У Рама есть дочь’, *shya:m ka: mitra* ‘друг Шьяма’ ← *shya:m ke ek mitra hai* ‘У Шьяма есть друг’, *si:ta: ki: do ga:eM* ‘две коровы Ситы’ ← *si:ta: ke do ga:eM haiM* ‘У Ситы есть две коровы’, *laRke ki: kita:b* ‘книга мальчика’ ← *laRke ke pa:s ek kita:b hai* ‘У мальчика есть книга’, *mera: rasoiya:* ‘мой повар’ ← *mere pa:s ek rasoiya: hai* ‘У меня есть повар’, *bacce ka: bukha:r* ‘жар у ребенка’ (букв. ‘ребенка жар’) ← *bacce ko bukha:r hai* ‘У ребенка жар’, *uska: sa:has* ‘его отвага’ ← *us meM sa:has hai* ‘В нем есть отвага’, *kamre ka: darva:za:* ‘дверь комнаты’ ← *kamre meM darva:za: hai* ‘В комнате есть дверь’, *kamre ke darva:ze* ‘двери комнаты’ ← *kamre meM darva:ze haiM* ‘В комнате есть двери’ [57, с.37-38]. Таким образом, в сфере выражения посессивного отношения конструкция $N^1 ka: N^2$ мыслится соотнесенной с какой-либо из конструкций предложения, принимаемых за посессивные.

Аналогичного подхода придерживается М. К. Верма в своей монографии «Структура именной фразы в английском и хинди» [73]. Он утверждает, что в случае формальной идентичности «посессивных и не-посессивных генитивных конструкций» они могут быть отграничены друг от друга только тогда, когда внимание будет обращено на различие в предложениях, послуживших их источником [73, с. 165]. По его мнению, посессивную генитивную конструкцию представляют такие словосочетания, как *ju:di: ki: kalam* ‘ручка (= ‘перо’) Джуди’, *ju:di: ki: sardi:* ‘холод, который ощущает Джуди’, *ju:di: ka: bha:i:* ‘брат Джуди’, восходящие соответственно к предложениям: *ju:di: ke pa:s ek kalam hai* ‘У Джуди есть ручка’, *ju:di: ko sardi: hai* ‘Джуди ощущает холод’ (= ‘Джуди замерзла’), *ju:di: ka: ek bha:i: hai* ‘У Джуди есть брат’ (при допустимости промежуточного звена в виде: *kalam ju:di: ki: hai, sardi: ju:di: ki: hai, bha:i: ju:di: ka: hai*) [73, с.171-172]. Из трех толкований, которые могут быть приписаны приведенному в монографии словосочетанию *ju:di: ki: kaha:ni:* ‘рассказ Джуди’, только одно из них, а именно: ‘рассказ, который есть у Джуди’, — отвечает, согласно точке зрения М. К. Вармы, пониманию данного словосочетания как посессивной конструкции в отличие от двух других (‘рассказ, в котором повествуется о Джуди’ и ‘рассказ, который Джуди излагает’) [73, с. 172]¹⁵.

О. Г. Ульциферов на страницах своей монографии «Словосочетания в хинди» выделяет из широкого круга субстантивных словосочетаний, имеющих в качестве зависимого компонента оформленное послелогом *ka:* суще-

¹⁵ Ср. неоднозначность «генитивной фразы» *ra:m ki: tasvi:r* ‘портрет Рама’, соотносимой, как отмечает Я. Качру, с тремя исходными предложениями: *ra:m ke pa:s tasvi:r hai* ‘У Рама есть портрет’, *ra:m ne tasvi:r bana:i:* ‘Рам написал портрет’ (→ *ra:m ki: bana:i: tasvi:r* ‘написанный Рамом портрет’), *kisi: ne ra:m ki: tasvi:r bana:i:* ‘Кто-то написал портрет Рама’ [58, с.108-109].

ствительное, следующие разновидности словосочетаний, располагающих в той или иной степени семантическим признаком посессивности [43, с.65-75]:

(а) [собственно] посессивные: *buRhiya: ki: gau:* 'корова старухи', *bas-coM ki: ma:M* 'мать детей', *shekspiar ke na:Tak* 'пьесы Шекспира';

(б) посессивно-агентивные: *dost ki: saha:ya:* 'помощь друга', *Da:kTar ka: vacan* 'обещание врача', *devata:oM ki: kRlpa:* 'милость богов';

(в) посессивные носителя качества: *nisha: ki: kalima:* 'чернота ночи', *bha:voM ki: gahra:i:* 'глубина чувств', *manuSya ka: shi:l* 'добродетель человека';

(г) посессивные целого: *a:dmi: ka: sir* 'голова человека', *ghar ka: darva:za:* 'дверь дома', *nadi: ka: taT* 'берег реки', *bha:rat ka: bha:g* 'часть Индии';

(д) посессивно-локативные: *ga:Mv ka: mukhiya:* 'староста деревни', *hima:lay ki: barf* 'снег Гималаев', *paha:RoM ke log* 'жители гор';

(е) посессивно-темпоральные: *pha:lgun ki: pu:rNima:* 'полнолуние месяца пхалгун', *ispa:t yug ka: pra:rambh* 'начало стального века', *ma:rc ka: mahi:na:* 'месяц март'.

При этом, однако, О. Г. Ульциферов, как видно из текста его работы [43, с.72, 73, 75], воздерживается от того, чтобы считать посессивными словосочетания рубрик (д) и (е), равно как и «словосочетания партитивного целого» (*shakkar ki: Tikiya:* 'кусочек сахара', *makkhan ka: Dibba:* 'банка масла', *ghuRsava:roM ka: ek dasta:* '(один) отряд всадников', *sampatti ki: ek tiha:i:* 'третья часть имущества').

Словосочетания всех упомянутых выше разновидностей вкпе с «объектными словосочетаниями» [43, с.76] такого же строения (*desh ki: rakSa:* 'защита страны', *duniya: ka: na:sh* 'гибель мира', *sudha:roM ka: samarthak* 'сторонник реформ') О. Г. Ульциферовым расцениваются как субстанциальные и противопоставляются сочетаниям квалификативным, т. е. «наделенным синтактико-семантическим признаком квалификативности» [43, с.77]. Последние подразделены на квалитативные (*taTsthata: ki: ni:ti* 'политика нейтралитета', *daya: ka: ka:m* 'акт милосердия', *du:sre namu:ne ki: sa:Ri:* 'сари другого фасона'), квантитативно-квалитативные (*das baras ka: laRka:* 'десятилетний мальчик', *ca:r rupaye ka: ma:l* 'товар на четыре рупии', *das din ki: ya:tra:* 'десятидневное путешествие'), релятивно-квалитативные (*sarka:r ke a:MkRe* 'данные правительства', *pa:p ka: ra:sta:* 'путь греха', *ba:Ms ki: koThi:* 'бамбуковая хижина', 'хижина из бамбука', *a:m ka: vRlkSa* 'манговое дерево', 'дерево манго') [43, с. 78-84].

Заметный вклад в исследование проблемы внесла Г. М. Дащенко в своей диссертации «Семантический анализ атрибутивных синтагм, состоящих из конкретных существительных (на материале языка урду)» [20]. Ею подвергнуты анализу образованные из конкретных существительных словосочетания, в которых синтаксически зависимое существительное, находясь в позиции по отношению к синтаксически ведущему, оформляется служебным элементом: *ka:*, *va:la:*, *ke liye*, *meM*, *par*). При этом круг конкретных существительных как компонентов рассматриваемых словосочетаний ограничивается в диссертации существительными, наделенными лексико-семантическим признаком «протяженность в пространстве»: «именами существ», «именами вещей», «именами мест».

Анализируемые единицы подводятся под понятие синтагмы, под которой понимается «вычленяемое из фразы бинарное сочетание, которое имеет структуру «хозяин» — «слуга» и которому может быть приписано элементарное синтаксическое содержание, т. е. одно отношение», и зачисляются в круг атрибутивных синтагм — синтагм, «хозяин» которых располагает синтаксико-семантическим признаком «субстанциальность» [21, с.2].

В основу объективной оценки синтаксико-семантического содержания атрибутивных синтагм было положено их сопоставление с предикативными конструкциями, где, как надо думать, семантические отношения между именными членами представлены в эксплицитном виде. Раскрытию семантического содержания анализируемых в диссертации синтагм также служат проба на трансформации (в частности, с ключением в состав синтагм инфинитных форм глагола или с использованием предикативной конструкции, вводимой относительным местоимением), учет отдельных конкретных лексико-семантических признаков имен.

Среди анализируемых синтагм, отвечающих формуле $N^I x N^{II}$, где x — служебный элемент, выделены синтагмы, сопоставимые с предикативной конструкцией, воспроизводящих формулу $N^I x N^{II} Copul$. Эти синтагмы автор диссертации считает содержащими все лексические единицы, входящие в состав предикативной конструкции, поскольку *hona*: предикативной конструкции таковой единицей не признается, а принимается за служебный элемент — глагол-связку (отсюда и соответствующее обозначение — *Copul*). Они в связи с этим названы эксплицитными, и им противопоставляются синтагмы имплицитные как соотносимые с предикативными конструкциями, где глагол расценивается как лексическая единица.

Эксплицитным синтагмам приписывается свойство конвертируемости. Так, если порядок следования имен в эксплицитной атрибутивной синтагме таков же, как и в контекстуально независимой предикативной конструкции, то, согласно Г. М. Дащенко, приписываемое данной синтагме отношение принимается за прямое отношение, противопоставляемое обратному отношению, обнаружившемуся при несоблюдении вышеупомянутого условия, например: *buRhiya: ka: siga:r* ‘сигара старухи’, букв. ‘старухи сигара’ (ср. *buRhiya: ke pa:s ek siga:r hai* ‘У старухи есть сигара’) ~ *siga:r va:li: buRhiya:* ‘старуха с сигарой’. Синтагма с обратным отношением (см. *siga:r va:li: buRhiya:*) трактуется как конверсив синтагмы с прямым отношением, как конверсная синтагма.

На базе привлеченного для анализа языкового материала в диссертации выявлены двадцать семантических классов синтагм. Каждому из выявленных классов приписывается определенное отношение (семантическое содержание), формулируемое путем указания на семантическую роль «слуг» синтагм, раскрываемую через понятия «быть» или «иметь».

Выражение двадцати видов семантического содержания обеспечивается, как показано в диссертации, тридцатью двумя разновидностями синтагм, выявленных на основе учета таких, моментов, как: 1) лексико-семантическая характеристика «хозяина» и «слуги» (они могут или принадлежать в синтаг-

ме только к одному из трех учтенных лексико-семантических групп существительных или различаться по принадлежности к этим группам); 2) порядок следования именных компонентов синтагмы как представителей лексико-семантических групп; 3) возможности выбора служебных элементов для оформления «слуги» синтагмы. Большинство видов отношения (семантического содержания) обслуживается не одной какой-либо из числа этих тридцати двух разновидностей синтагм, а несколькими.

Послелог *ka:* участвует в строении синтагм семнадцати семантических классов из выявленных двадцати, причем для четырех [«быть пассивным владельцем», «быть потенциальным владельцем», «быть субъектом созидания (имплицитного)», «быть локативом / субъектом созидания (имплицитного)»] он принимается за единственно возможный служебный элемент. В синтагмах трех семантических классов, где послелог *ka:* не находит применения [«иметь пассивным владельцем», «иметь активным владельцем», «быть объектом возвратнообразного действия (имплицитного)»], в качестве служебного элемента выступает исключительно *va:la:*. Без служебного элемента *va:la:* не обходится ни один из семантических классов синтагм-конверсивов. «Слугам» конверсных синтагм приписывается синтаксико-семантический признак «квалификативность».

В диссертации затронут вопрос о том, в каких отношениях находятся служебные элементы *ka:* и *va:la:*. Заслуживают внимания следующие положения: 1) в ряде синтагм (не-конверсных), принадлежащих разным семантическим классам, *ka:* и *va:la:* могут находиться в отношении свободного чередования; 2) в конверсных синтагмах *ka:* сигнализирует об устойчивом характере контакта (отношения между референтами имен), тогда как *va:la:* оставляет данный аспект невыраженным [21, с. 10]; 3) если при одинаковых именах – членах синтагм и одинаковом порядке их следования синтагмам может быть приписано как прямое, так и конверсное отношение, то показателем прямого отношения служит *ka:* (например, *seboM ka: ta:jir* ‘торговец яблоками’), а показателем конверсного отношения — *va:la:* (например, *seboM va:la: ta:jir* ‘торговец с яблоками’ — конверсив синтагмы *ta:jir ke seb* ‘яблока торговца’); 4) при оформлении «слуги» с синтаксико-семантическим признаком «субстанциальность» в синтагмах, чье семантическое содержание обусловлено взаимодействием лексико-семантических признаков имен, *ka:* и *va:la:* связаны отношением привативной оппозиции: *va:la:*, как маркированный член оппозиции, содержит указание на то, что информация, передаваемая синтагмой, уже известна, а послелог *ka:* оставляет этот аспект невыраженным [21, с.24].

Направивается вопрос: синтагмам каких семантических классов присуща способность выразить посессивное отношение? Диссертация подводит к мысли, что в качестве таковых следует расценивать экспликативные синтагмы и сопряженные с ними конверсивы (конверсные синтагмы), а именно:

(а) синтагмы семантического класса (или, что то же самое, синтагмы, передающие отношение) «быть пассивным владельцем», например: *is basse ki: ta:M* ‘мать этого ребенка’, *ga:ye ka: bachRa:* ‘теленки коровы’, — и син-

тагмы конверсивы класса «иметь пассивным владельцем», например: *shauhar va:li: aurat* ‘замужняя женщина’ (ср. синтагму с прямым отношением *aurat ka: shauhar* ‘муж женщины’);

(б) синтагмы семантического класса «быть активным владельцем», например: *kisi: sipa:hi: ki: ba:lTi:* ‘ведерко какого-то солдата’, *Dac sauda:garoM ke maka:n* ‘дома голландских купцов’, — и синтагмы-конверсивы класса «иметь активным владельцем», например: *sigar va:li: buRhiya:* ‘старуха с сигарой’, *ka:r va:le sa:hab* ‘господа с машинами’;

(в) синтагмы семантического класса «быть целым», например: *shika:ri: ka: dil* ‘сердце охотника’, *laboM ke kone* ‘уголки рта’ (букв. ‘губ уголки’), — и синтагмы-конверсивы класса «иметь целым», например: *la:l tuMh va:la: angrez* ‘краснолицый англичанин’ (ср. *la:l tuMh* ‘красное лицо’), *gol kina:re ka: haiT* ‘шляпа с круглыми полями’;

(г) синтагмы семантического класса «быть содержащим», например: *gale ka: ta:vi:z* ‘амулет на шее’ (букв. ‘шеи амулет’), *ba:rak ke kai: kamre* ‘несколько помещений казармы’, — и синтагмы-конверсивы класса «иметь содержащим», например: *ca:bi: va:la: ha:th* ‘рука с ключом’, *sa:t kamroM va:la: fleT* ‘семикомнатная квартира’, ‘квартира из семи комнат’.

Семантический критерий позволяет в рамках концепции, отстаиваемой Г. М. Дащенко, причислить к синтагмам, имеющим значение посессивности, синтагмы с отношением «быть включающим», например: *ghar ke tama:m tambar* ‘все члены семьи’ (букв. ‘дома все члены’), *sifa:ratkha:ne ka: ek rukn* ‘сотрудник посольства’, — и с отношением «быть потенциальным владельцем», например: *du:sre musa:firoM ke TikaT [ka:tna:]* ‘[выдавать] билеты другим пассажирам’ (букв. ‘других пассажиров билеты [резать]’).

К выражению посессивного отношения не безучастна в хинди именная конструкция $N^1 va:la: N^2$, вопрос о которой был выше слегка затронут упоминанием о служебном элементе *va:la:* в составе атрибутивных синтагм. Будучи составной частью атрибутивного компонента конструкции, служебный элемент послеложного типа *va:la:* (*va:l-a:*, где *-a:* — флексия) подвержен согласованию в рамках адъективной парадигмы с N^2 — главенствующим членом модели.

Касаясь этой конструкции, М. К. Верма иллюстрирует ее такими примерами, как *pagRi: va:la: a:dmi:* ‘человек в тюрбане’, *tasvi:roM va:li: kita:b* ‘книга с картинками’ (= ‘иллюстрированная книга’), *lambi: da:Rhi: va:la: a:dmi:* ‘человек с длинной бородой’, отмечая при этом, что они проявляют себя как эквиваленты английских оборотов с предлогом *with* (а отнюдь не с *of*— предлогом, которому в хинди отвечает послелог *ka:*): *the man with a turban, a book with pictures, the man with a long beard* [73, с. 173]. Здесь, как можно видеть, налицо значение обладания (или, в более широком плане, включения).

По мнению О. Г. Ульциферова, словосочетаниями, построенными по модели $N^1 va:la: N^2$, выражаются квалификативные отношения (например, *tu:choM va:la: a:dmi:* ‘человек с усами’, *Topi: va:la: laRka:* ‘мальчик в шляпе’, *ha:thiyom va:le jangal* ‘леса, где водятся слоны’) и объектные отношения

(например, *bha:rat va:li: sandhi* ‘договор с Индией’, *vima:n va:li: durghaTna:* ‘катастрофа с самолетом’) [43, с. 108-111]. Вопрос об их способности/неспособности выражать посессивность не затрагивается.

Подробное освещение указанная конструкция получила в одной из статей В. А. Чернышева [45]. В статье сравниваются значения, передаваемые конструкциями с *va:la:*, с одной стороны, и с *ka:*, — с другой. Из суммарного числа отмеченных значений — шестнадцати (включая значение «истолкование понятия», относящееся к случаю, когда позицию N^1 перед *va:la:* занимает структура, равная предложению) восемь значений признаются общими для обеих структур, пять — принадлежащими исключительно структурам с *ka:*, три — принадлежащими исключительно структурам с *va:la:* [45, с.266-268]. В частности, в структурах с *ka:* (но не с *va:la:*) усматриваются значения родства, принадлежности, возраста, части от целого, вида при названии рода, а в структурах с *va:la:* (но не с *ka:*) — значения переменного признака (например, *pistaul va:la: yuvak* ‘юноша с пистолетом’), намек на связь между предметами (например, *bargad va:li: ghaTna:* ‘событие, связанное с баньяном’), истолкования понятия (например, «*andhoM ke a:ge roye naine khoYe va:li: kaha:vaT* ‘поговорка, [которая гласит:] «Перед слепыми плакать — только глаза портить»’). В статье не ставится вопрос о том, какие из отмеченных частных значений, присущих словосочетаниям, воплощающих именную конструкцию $N^1 va:la: N^2$, уместаются в диапазоне значения посессивности как более общего значения, однако для рассмотрения этого вопроса в ней содержится богатый языковой материал.

Выражение посессивности демонстрируют многие из приведенных в статье примеров, как-то: *pistaul va:la: yuvak* ‘юноша с пистолетом’ [45, с.253], *la:Thi: va:le naujava:n* ‘молодцы с дубинками’ [45, с.254], *jild va:li: kita:b* ‘книга в переплете’ [45, с.256], *bhu:ri: mu:MchoM va:la: a:dmi:* ‘человек с рыжими усами’ [45, с.257], *do mardoM va:li: aurat* ‘женщина, [имевшая] двух мужей’ [45, с.257], *ti:n talloM va:la: maka:n* ‘трехэтажный дом’ [45, с.257-258] и др. Обращено внимание на то, что конструкция может осложняться препозитивно употребленным отрицанием *bina:* ‘без’, например: *bina: paMclaiT va:li: paMca:yat* ‘панчяат без [газового] фонаря’, *bina: frem va:la: cashma:* ‘очки без оправы’ [45, с.255]. Для уяснения характера выражаемой посессивности существенны замечание о различии в плане содержания между словосочетанием типа *nekar va:la: bacca:* ‘мальчик в [коротких] штанишках’ (лицо выделяется характером одежды) и словосочетанием типа *ni:li: nekar va:la: bacca:* ‘мальчик в синих штанишках’ (лицо выделяется по цвету названного вида одежды) [45, с.260-261] и замечание о невозможности свертывания оборота типа *raubi:le sehre va:la: a:dmi:* ‘человек с величественным лицом’ до *sehre va:la: a:dmi:* ‘человек с лицом’ [45, с.261].

Из помещенного обзора видно, что едва ли существуют строгие критерии установления границ посессивности у именной конструкции с *ka:* ($N^1 ka: N^2$) и у именной конструкции с *va:la:* ($N^1 va:la: N^2$). Значением посессивности характеризуются естественно такие синтагмы (именные фразы, словосочетания) из воплощающих именную конструкцию (в частности, кон-

струкцию с *ka:*), которые можно соотнести непосредственно с предложениями, воплощающими ту или иную предикативную конструкцию, специализирующуюся на выражении посессивного отношения (показательна в связи с этим точка зрения Ямуны Качру, отмечанная нами выше). Однако действительность данного критерия соотнесенности обнаруживается по преимуществу лишь в сфере выражения собственно принадлежности и/или обладания, поскольку указанная соотнесенность чужда тем случаям, когда речь идет о том, под чем принято разуметь принадлежность и/или обладание по функции.

Функциональную сторону посессивности в связи с выражением значения принадлежности отражают синтагмы ряда классов, выделенных Г. М. Дашенко, как-то:

синтагмы класса «быть субъектом созидания (имплицитного)», например: *adi:b ki: kita:beM* ‘книги писателя’, *turkoM ki: pahli: ima:rat* ‘первое строение тюрков’ (см. также: *tulsi:da:s ki: ra:ma:yaN* ‘«Рамаяна» Тулсидаса’, *shekspiyar ke na:Tak* ‘пьесы Шекспира’);

синтагмы класса «быть локативом/субъектом созидания (имплицитного)», например: *is ka:rkha:ne ki: ga:Riya:M* ‘вагоны этого завода’ (в смысле «вагоны, созданные на этом заводе»);

синтагмы класса «быть субъектом возвратнообразного действия (имплицитного)», например: *is ka: skarT* ‘ее юбка’ (в смысле «юбка, которую она надела», см.: *pahanna:* ‘надевать’ — глагол, отсутствующий в синтагме);

синтагмы класса «быть субъектом имплицитного действия», например: *mera: pahla: pa:kista:ni:* ‘мой первый пакистанец’ (в смысле «впервые увиденный мной пакистанец»);

синтагмы класса «быть субъектом действия-назначения (имплицитного)», например: *auratoM ka: risa:la:* ‘журнал [для] женщин’ (в смысле «журнал для женского чтения»);

синтагмы класса «быть локативом имплицитного действия», например: *Dabbe ke du:sre musa:fir* ‘другие пассажиры [из] купе’;

синтагмы класса «быть локативом действия-назначения (имплицитного)», например: *koi: sarkas ka: mada:ri:* ‘какой-то цирковой фокусник’.

Значение обладания по функции присуще синтагмам класса «быть объектом возвратнообразного действия (имплицитного)», например: *kha:ki: vardi: va:le afsar* ‘офицеры в форме цвета хаки’.

При прототипическом или близком к нему характере посессивности именная конструкция с *ka:* неизменно отвечает значению принадлежности, именная конструкция с *va:la:* — значению обладания: *buRhiya: ka: siga:r* ‘сигара старухи’ ~ *siga:r va:li: buRhiya:* ‘старуха с сигарой’, *mahila: ka: kutta:* ‘собачка дамы’ ~ *kutte va:li: mahila:* ‘дама с собачкой’.

Нарушение указанного соответствия между планом выражения и планом содержания налицо в следующих примерах: *hi:re ki: aMguThi:* ‘перстень с бриллиантом’, *gol kina:re ka: haiT* ‘шляпа с круглыми полями’, *a:MkhoM va:le a:Msu:* ‘слезы на глазах’.

В русском языке отношение посессивности передают именные конструкции, где их зависимый (синтаксически подчиненный) компонент бывает представлен:

(а) притяжательным местоимением: *мой друг, твои глаза, ваше право, ее тетрадь*;

(б) притяжательным прилагательным: *матренин двор, дедово лицо, божий свет, лисий хвост*;

(в) существительным в форме родительного падежа без предлога: *дом отца, дверь веранды, белизна снега, человек слова*;

(г) существительным (либо личным местоимением) в форме дательного падежа: *отец солдатам, памятник Пушкину, всей земле хозяин (Ходит будто всей земле хозяин [66, с.24]), цена людям (...мало знал он цену людям [66, с.24])*¹⁶

(д) существительным в форме косвенного падежа (одного из косвенных падежей) с предлогом: *человек с ружьем, кони с распущенной гривой, дама в собольей накидке, змей о двух головах, драма в пяти действиях, глава из романа*.

В словосочетаниях, воплощающих конструкцию (а), конструкцию (б) и конструкцию (г), их синтаксически ведущий (опорный, стержневой) компонент неизменно является именем объекта обладания, чем объясняется присущее им значение принадлежности: «объект обладания определяется указанием на посессора» [27, с. 113]. Словосочетания с этим же значением преобладают и в рубрике (в), куда, однако, попадают и словосочетания, наделяемые значением обладания, например: *человек слова, гора необыкновенных очертаний, небо яркой синевы (человек, гора, небо — имена посессора в качестве опорных компонентов словосочетаний)*.

Словосочетания, воплощающие конструкцию (д), больше подходят для выражения значения обладания: посессор, чье имя выступает как синтаксически ведущий компонент конструкции, определяется указанием на объект обладания. Однако возможны словосочетания, в которых проступает значение принадлежности, например: *глава из романа, тень от дерева, письмецо от внука, ребята с нашего двора (глава, тень, письмецо, ребята — имена объекта обладания)*.

Семантическую нагрузку отмеченных выше именных конструкций языков хинди и русского по отношению к выражению значения принадлежности и значения обладания отображает следующая схема.

¹⁶ Для современного русского языка эта конструкция с дательным приименным как средство выражения значения посессивности не типична. Ее иллюстрируют еще такие примеры из классической литературы:

— *Позвольте представиться, — начал он с вежливым поклоном. — Аркадию Николаичу приятель и человек смирный* (И. Тургенев),

[Фамусов:] *Вот-с Чацкого, мне друга, Андрея Ильича покойного, сынок* (А. Грибоедов).

(в)	(д)
(а) (б) (г)	
Значение принадлежности	значение обладания
$N^1 ka: N^2$	$N^1 va:la: N^2$

Именная посессивная конструкция и согласованность по посессивности

Именная конструкция $N^1 ka: N^2$, включая ее местоименный вариант (т. е. вариант с притяжательным местоимением на месте $N^1 ka:$), обычна в тех предложениях языка хинди, которым по смыслу соответствуют русские предложения, где наблюдается:

1) согласованность по посессивности (аналогичная той, которая имеет место в посессивной предикативной модели) между личностным ($y +$ род. п.) и пространственным локализатором: *baiju: ke sehre par vijay ki: muskara:haT a:i:* (VM, 325) — *На губах у Байджу заиграла улыбка...* (BB, 234) \approx букв. ‘На лице Байджу появилась улыбка победы’; *us samay us ka: man uda:s tha:* (VB, 377) — *На душе у него было грустно* (BB, 314) \approx букв. ‘В то время его душа была грустна’; *...aur buddhu:sinh un ki: cha:ti: par sava:r* (VB, 178) — *...и на груди у него* (букв. ‘на его груди’) *оказался Буддхусинх* (BB, 160);

2) согласованность по посессивности между компонентом предложения ($y +$ род. п.), обозначающим сферу лица, и именем, которому приписывается предикативный признак: *mera sir sakra: raha: tha:* (RA, 526) — *У меня кружилась голова* (P, 433) \approx букв. ‘Моя голова кружилась’; *us ka: laRka: paRh raha: hai* (YB, 591) — *А у него сын* (букв. ‘его сын’) *учится* (Я, 434); *meri: sappal bhi: Tu:T gayi: hai* (YB, 231) — *К тому же у меня порвались сандалии* (Я, 193) \approx букв. ‘Мои сандалии тоже порвались’; *us ki: a:va:z ka:fi: tez, moTi: aur prabha:vsha:li: thi:* (VB, 300) — *...голос у нее* (букв. ‘ее голос’) *был громкий, низкого тона, с властными интонациями* (BB, 253);

3) согласованность по посессивности, носящей по преимуществу характер органической принадлежности, между соподчиненными членами окружения (актантами) глагола: *...aur apni: kursi: se utarkar uske ghuTnoM par sir rakh deta: hai* (RA, 295) — *Встав со своего стула, он опускается перед Нилимой на пол и кладет голову ей на колени* (букв. ‘на ее колени’) (P, 295); *tum ha:re ha:th su:m lega: aur kahega: mahaloM meM raho* (VM, 239) — *Он станет целовать тебе руки* (букв. ‘твои руки’) *и умолять, чтобы ты пошла с ним во дворец!* (BB, 179); *maiM ne dhi:re se uske ek ha:th ko thapthara: diya:...* (RA, 491) — *Я легонько похлопал Нилиму по руке* (букв. ‘ее руку’)... (P, 404); *ninni: ne la:khi: ka: ha:th pakarkar maza:n ki: or khi:Msa:* (VM, 87) — *Нинни схватила Лакхи за руку* (букв. ‘руку Лакхи’) *и потащила к мачану* (BB, 81); *...jaise tum bahut du:r rahte bhi:*

mere ka:n meM kah rahi: ho «*ma:nsinh, sa:vadha:n!*» (VM, 249) — ...*будто ты шепчешь мне на ухо* (букв. 'говоришь в мое ухо'): «*Ман Сингх, помни о своем долге!*» (BB, 186).

Не менее убедительно высказанное положение подтверждают примеры на перевод с русского на хинди:

1а) *В эту минуту у меня в голове промелькнула странная мысль...* (М. Лермонтов) — *yah sunte hi: mere dima:g meM ek vicitra vica:r bijli: ki: tarah kauMdh gaya:...* (LH, 194), где *mere dima:g meM* — букв. 'в моем мозгу';

2а) *...и было видно, что у нее тревожно билось сердце* (А. Чехов) — *spraSTa tha: ki uska: dil dhak dhak kar raha: hai* (CL, 256), где *uska: dil* — букв. 'ее сердце'; *Пальцы у него дрожали и по лицу видно было, что у него сильно болела голова* (А. Чехов) — *uski: uMgliya:M ka:Mr rahi: thi:M, uske sehre par dekhne se hi: ma:lu:m ho ja:ta: tha: ki uska: sir bhaya:nak ru:p se dard kar raha: tha:* (CL, 202), где *uski: uMgliya:M* — букв. 'его пальцы', *uska: sir* — букв. 'его голова'; [Варя:] *Как холодно. У меня руки заоченели* (А. Чехов) — [va:rya:] *kitni: ThaND hai, mere to ha:th akaR gaye* (CN, 333), где *mere ha:th* — букв. 'мои руки';

3а) — *Последнее вы уже доказали, — отвечал я ему холодно и, взяв под руку драгунского капитана, вышел из комнаты* (М. Лермонтов) — "*apni: a:khiri: ba:t ka: sabu:t to a:p de hi: cuke haiM*", *maiMne sha:nti se java:b diya:, aur ghuRsava:r-kapta:n ki: ba:Mh pakaRkar use kamre se ba:har le a:ya:* (LH, 163), где *ghuRsava:r-kapta:n ki: ba:Mh pakaRkar* — букв. 'схватив руку драгунского капитана'; *Павел Петрович облобызался со всеми, не исключая, разумеется, Мими; у Фенички сверх того поцеловал руку...* (И. Тургенев) — *ra:vel petrovic sabhi: ko su:ma:, za:hir hai mi:tya: ko bhi:. iske ala:va: unhoM ne fenicka: ka: to ha:th bhi: su:ma:...* (TP, 483), где *fenicka: ka: ha:th su:ma:* — букв. 'поцеловал руку Фенички'; *...она прижалась к нему (к Старцеву. — В. Л.), и он не удержался и поцеловал ее в губы, в подбородок и сильнее обнял* (А. Чехов) — *Darkar vah sta:rtsev ke saha:re Tik gayi: aur vah uske hoMThoM va ThuDDi: ka: su:mhan karne aur use apne ba:hura:sh meM kaskar jakaR lene se apne ko rok na saka:* (CL, 252), где *uske hoMThoM va ThuDDi: ka: su:mhan* — букв. 'целование ее губ и подбородка'.

Такое явление, как столь характерное для русского языка соподчинение членов окружения глагола, согласованных по посессивности¹⁷, обнаруживается и в хинди, например: *ta:ra: ke gir ja:ne par ek mard ne a:ge baRhkar banti: ko kandhoM se pakaRne ka: yatna kiya:* (YB, 142) 'Когда Тара упала, [из толпы] выскочил какой-то мужчина и попытался схватить Банти за плечи', *poliTikal sekreTri: ki: patni: ne harbans ko bhi: ha:th se pakaRkar uTha: liya:* (RA, 401) 'Супруга политического секретаря взяла Харбанса за руку и вынудила подняться'.

В русском же языке обычны и предложения, где предпочтение отдается не личностному локализатору, не компоненту, обозначающему сферу лица, не соподчиненному члену

¹⁷ Об указанном явлении русского языка см. в работе Ю. Д. Апресяна [2], в работе А. В. Головачевой [16].

окружения глагола, а выраженному существительным в генитиве или притяжательным местоимением атрибуту при имени объекта обладания (в своем роде аналогу N^1 ka: именной конструкции N^1 ka: N^2 языка хинди), например: а) *В черной бороде его показывалась проседь...* (А. Пушкин), *Легкая, чуть-чуть насмешливая улыбка играла на его губах* (И. Тургенев); б) *Между тем здоровье Андрея Гавриловича час от часу становилось хуже* (А. Пушкин), *Николай Еремеев вошел в контору. Лицо его сияло удовольствием...* (И. Тургенев); в) *Берснев взял руку Елены и пошел за ней по саду...* (И. Тургенев), *Я поцеловал ее холодное ухо* (В. Белов).

Использование такого роде предложений при переводе предложений языка хинди, содержащих конструкцию N^1 ka: N^2 , выглядит, разумеется, естественным: а) *jva:la:prasa:d ke mukh par bhi: muskara:haT a:i:* (VB, 244) — *На лице Джвалапрасада тоже появилась улыбка* (ВБ, 212), *...us ki: a:MkhoM meM a:Msu: a: gae* (VB, 298) — *...в ее глазах засверкали слезы* (ВБ, 251); б) *uski: a:MkheM la:l thi:M...* (RA, 50) — *Глаза его были красны...* (Р, 55), *unka: sehra: pi:la: aur uda:s tha:, unki: a:MkheM taral thi:M* (VB, 78) — *Лицо его было бледным, в глазах блестела влага* (ВБ, 83); в) *bhagva:n ko sa:kSi: karke uska: ha:th pakRa: tha:!* (VM, 232) — *Я взял ее руку в свою и призвал всевышнего в свидетели* (ВВ, 174), *yatuna: ne jaidei: ke kandhe par ha:th rakhte hue kaha:...* (VB, 253) — *Положив руку на плечо Джайдеи, Ямуна сказала...* (ВБ, 218).

Различие между хинди и русским в синтаксическом оформлении значения посессивности хорошо представлено в следующих примерах: *Дня три спустя Базаров вошел к отцу в комнату и спросил, нет ли у него адского камня* (И. Тургенев) — *is ke ti:n din ba:d baza:rov ne arne pita: ke kamre meM da:khil hote hue pu:cha:* — *kSa:rak rajat hai a:pke pa:s?* (TP, 360), где *arne pita: ke kamre meM* — букв. ‘в комнату своего отца’; *...и она ушла к себе в комнату* (А. Чехов) — *...aur arne kamre meM va:pas cali: gayi:* (CL, 335), где *arne kamre meM* — букв. ‘в свою комнату’.

Заключение

Основные положения общего характера, вытекающие из содержания проведенного исследования, таковы:

1. В современной лингвистической литературе подвергнут обсуждению целый ряд общетеоретических аспектов проблемы посессивности, разработан понятийный аппарат, обращение к которому не может не содействовать оптимальному освещению линий схождения и расхождения между хинди и русским языком в области выражения отношения посессивности. Так, на материале этих языков в исследовании получают отражение известные положения, касающиеся: а) объема понятия «посессивность» в лингвистике; б) пространственной интерпретации посессивных моделей; в) отграничения отношения обладания от отношения принадлежности в рамках категории посессивности; г) оппозиций «постоянное обладание ~ временное обладание» и «отчуждаемая принадлежность ~ неотчуждаемая принадлежность»; д) случаев проявления именными компонентами предложений согласованности по посессивности.

2. В некоторых из опубликованных работ уже были отмечены как формальные, так и семантические черты посессивных конструкций (глагольных и именных) языка хинди и русского.

3. По одному из признаков, определяющих способ выражения посессивности, хинди и русский относятся к *E*-языкам – языкам, где в строении конструкций, утверждающих данное отношение (с семантикой обладания), участвует непереходный глагол типа «быть» (лат. *esse*), предпочитаемый глаголу типа «иметь» (лат. *habere*).

4. В хинди глаголом типа «быть» является глагол *hona:*, сочетающийся в посессивных конструкциях с выступающим в прямом падеже именем объекта обладания, или Принадлежностью, тогда как другой непрременный компонент этих конструкций, а именно: имя (местоимение) субъекта обладания, или Посессор, – употребляется в косвенном падеже, получая то или иное послеложное оформление, сказывающееся на семантической стороне предложений, передающих значение обладания, и обуславливающее дифференциацию конструкций в плане выражения. Предложения, воплощающие одну из пяти выделенных конструкций, в структурном отношении близки экзистенциальным предложениям. Предложения, в которых воплощаются остальные конструкции, обнаруживают в разной мере сходство с бытийно-пространственными предложениями. В русском же языке в качестве основной глагольной посессивной конструкции, передающей значение обладания, выступает конструкция, состоящая из глагола *быть*, имени посессора в родительном падеже с предлогом *у* и имени объекта обладания в именительном (если нет отрицания) падеже. В принадлежащей глаголу *быть* форме настоящего времени *есть* не получает отражения грамматная наполненность имен объекта обладания, причем наблюдается семантически обуслов-

ленная замена этой формы синтаксическим нулем. При выражении отрицания данная конструкция русского языка подвергается преобразованию.

5. В семантической зоне использования посессивных конструкций в обоих языках становится очевидной на фоне данных языка хинди универсальность посессивной конструкции русского языка, располагающей Посессором в родительном падеже с предлогом *у*, а на фоне данных русского языка ярко проявляется дифференциация посессивных конструкций языка хинди. В хинди, в отличие от русского языка, где при отрицании именительный падеж имени объекта обладания уступает место родительному, отрицание не влияет на форму имени объекта обладания (такое имя сохраняет прямопадежное оформление). В структуре посессивных конструкций языка хинди не находит отражения то семантическое различие, которое существует между предложениями русского языка со словоформой *есть*, с одной стороны, и предложениями без *есть*, — с другой.

6. В русском языке предложения, воплощающие посессивную конструкцию, приобретают семантические черты предложений характеристики при условии пресуппозиции существования того, что обозначается словом, занимающим в сочетании с атрибутом позицию имени объекта обладания: *У него голубые глаза*. Такого рода предложениям русского языка в хинди соответствуют предложения типа *uski: a:MkheM ni:li: haiM* (букв. 'Его глаза синие суть').

7. В обоих языках рефлексивизация контролируется именем (местоимением) посессора. В хинди в качестве кореферентного с Посессором выступает местоимение *арна*: 'свой', в русском — местоимение *свой*. В обоих языках предложения, несущие значение посессивности, могут включать в свой состав компонент-локализатор, указывающий местонахождение объекта обладания. Для русского языка, в отличие от хинди, характерны пространственные локализаторы, обозначающие ближайшую предметную среду, облик, состояние или внутренний мир посессора-лица.

8. В хинди диапазон применимости посессивных конструкций значительно расширяется благодаря использованию аспектуально окрашенных форм глагола *hona:*, вносящих семантические оттенки возникновения ситуации обладания, ее актуальности, ее обычности и др. Некоторые глаголы могут выступать на месте глагола *hona:* при сохранении того же набора и оформления именных компонентов, обнаруживая свои индивидуальные особенности в опирающейся на лексическую семантику сочетаемости с именными компонентами предложений — аналогами имени объекта обладания. Русский глагол *быть*, в отличие от *hona:*, не располагает (как и другие глаголы русского языка) разветвленной системой аспектуально окрашенных форм, которые могли бы повлиять на расширение семантического диапазона посессивных конструкций. Однако глагол *быть* посессивной конструкции дополняется на парадигматической оси такими глаголами, как *бываться, водиться, найтись, оказаться, (не) хватать, (не) хватить, недоставать*.

9. В хинди для посессивной конструкции, входящей в число «конструкций с дативным подлежащим», характерна связанность отношением межмодельной модификации с конструкцией, маркированной глаголом, выражающим общую идею активного действия («делать») в сочетании с именами, соответствующими компонентам посессивной конструкции, по образцу: *si:ta: ko a:sha: hai* ‘У Ситы (букв. Сите) есть надежда’ — *si:ta: a:sha: karti: hai* ‘Сита надеется’ (букв. ‘делает надежду’).

10. К особым моделям предложений со значением посессивности относятся конструкции с посессивным результативом (в хинди), с посессивным перфектом или плюсквамперфектом (в говорах русского языка). Особую разновидность являет собой в русском языке конструкция типа *Мне есть что делать* или *Мне нечего делать*.

11. Хотя хинди и русский и относятся к *E*-языкам, всё же в первом из них есть переходный глагол *rakhna:*, в семантической структуре которого находится место значению «иметь», а во втором наличествует переходный глагол *иметь*, который, как и близкий ему в одном из своих значений глагол *держат* (в какой-то мере переводной эквивалент глагола *rakhna:*), входит в число разных по синтаксическим свойствам глагольных лексем, обслуживающих сферу выражения посессивности.

12. Прототипическому характеру выражаемой посессивности отвечает присутствие личного Посессора. Предложениям с личным Посессором близки предложения с «корпоративным» Посессором, т. е. предложения, где в роли Посессора выступает имя, обозначающее определенную (функциональную и др.) общность людей, и предложения с неличным, но «одушевленным» Посессором. В целом же появлением неличного Посессора в структуре предложения знаменуется отклонение от прототипа.

13. Из именных конструкций языка хинди в выражении отношения посессивности специализируются конструкция $N^1 ka: N^2$ и конструкция $N^1 va:la: N^2$. Данными моделями отражается строение атрибутивных синтагм, где N^2 соответствует их (синтагм) стержневому (синтаксически ведущему, опорному) компоненту, а $N^1 ka:$ или $N^1 va:la:$ — синтаксически зависимому компоненту при том, что служебный элемент *ka:* или *va:la:* согласуется в рамках адъективной парадигмы словоизменения с N^2 . Первой конструкцией, как правило, передается значение принадлежности, второй — значение обладания. В русском языке отношение посессивности передают именные конструкции с зависимым компонентом в виде притяжательного местоимения, притяжательного прилагательного, существительного в родительном падеже без предлога, существительного в дательном падеже без предлога, существительного в форме косвенного падежа (одного из косвенных падежей) с предлогом. Словосочетания с существительным в косвенном падеже с предлогом больше подходят для выражения значения обладания. Назначение остальных словосочетаний передавать значение принадлежности нарушается лишь тем, что в словосочетаниях с именем в форме родительного падежа без предлога иногда проступает значение обладания.

14. Членам именной конструкции N^1 *ka*: N^2 , помещенной в предложениях языка хинди, в русском языке семантически обычно соответствуют компоненты, отличающиеся согласованностью по посессивности, хотя и хинди не избегает соподчинения членов окружения глагола, согласованных по посессивности.

Условные обозначения названий источников

- ВБ — *Варма Бхагаватичаран*. Забытые картины. Перевод с хинди Л. Кузнецова и Вл. Чернышева. Издательство «Художественная литература». М., 1968 (см. VB).
- ВВ — *Варма Вриндаванлал*. Мриганаяни. Перевод с хинди Ю. Маслова. Издательство «Художественная литература». М., 1964 (см. VM).
- П — *Прем Чанд*. Нирмала. Перевод с хинди В. Выхухолева, И. Лилина, О. Ульциферова, И. Фиалковского. Издательство иностранной литературы. М., 1956 (см. PN).
- Р — *Ракеш Мохан*. Темные закрытые комнаты. Перевод с хинди Л. Кузнецова. Издательство «Художественная литература». М., 1982 (см. RA).
- Я — *Яшнал*. Ложная правда. Книга вторая: Будущее моей страны. Перевод с хинди Н. Толстой. Издательство иностранной литературы. М., 1963 (см. YB).
- AA — 'ajñey'. amarvallari: aur anya kaha:niya:M. sarasvati: pres. bana:ras, 1954.
- AD — *amRIta: pri:tam*. Da:kTar dev. hind pa:keT buks pra:iveT limiTiD. dilli: [б. г.].
- AK — *ra:mna:ra:yaN agrava:l*. brajbhu:mi ki: kaha:niya:M. vinod pustak mandir. a:gra:, 1957.
- AN — 'ajñey'. nadi: ke dvi:p. sarasvati: pres. ila:ha:ba:d–va:ra:Nasi:–dilli:, 1971.
- AY1 — *a:darshakuma:ri: yashpa:l*. sacitra braj ki: lok-katha:eM. bha:g 1. a:tma:ra:m eND sans. dilli:, 1957.
- AY2 — *a:darshakuma:ri: yashpa:l*. braj ki: lok-katha:eM. bha:g 2. a:tma:ra:m eND sans. dilli:, 1964.
- Bh — «bha:Sa:». kendri:ya hindi: nidesha:lay. nai: dilli:.
- BD — *ra:jendra sinh bedi:*. di:va:la: ni:la:bh praka:shan. ila:ha:ba:d, 1960.
- BG — bi:rbal ki: ga:gar-sa:gar. hindi: praca:rak pustaka:lay. va:ra:Nasi:, 1963.
- BLK — bha:rat ki: lok-katha:eM. lekhika: – si:ta: neshanal pabli:shing ha:us. dilli:, 1959.
- CK — *a:nton cekhav*. cekhav ki: shreSTha kaha:niya:M (1). anuva:dak–ra:jna:th. prabha:t praka:shan. dilli:–mathura:, 1965. (*А. П. Чехов*. Рассказы).
- CL — *a.pa:cekhov*. laghu upanya:s aur kaha:niya:M. anuva:dak–kRISNa kuma:r. pragati praka:shan. ma:sko, 1965 (*А. П. Чехов*. Повести и рассказы).
- CN — *a:nton cekhov*. na:Tak. anuva:dak–madhu. ra:duga: praka:shan. ma:sko, 1985 (*А. П. Чехов*. Пьесы).
- GD — *gurudatta*. da:sta: ke naye ru:p. hind pa:keT buks pra:iveT limiTiD. dilli:, 1969.
- GK — *nikola:i: gogol*. kaha:niya:M aur laghu upanya:s. anuva:dak–muni:sh saksena: ra:duga: praka:shan. ma:sko, 1984 (*Николай Гоголь*. Повести).
- GM — *maksim gorki:*. mere vishvavidya:lay. anuva:dak–narottam na:gar. ra:duga: praka:shan. ma:sko, 1986 (*М. Горький*. Мои университеты).
- GS — *bhairav prasa:d gupta*. satti: maiya: ka: caura: ni:la:bh praka:shan. ila:ha:ba:d, 1959.
- HG — *harSana:th*. gavarnes. hindi: praca:rak pustaka:lay. va:ra:Nasi:, 1960.
- HK — *harSana:th*. kami:ne aur shari:f. sarasvati: mandir. va:ra:Nasi, 1958.
- JK — *jainendra kuma:r*. jainendra ki: shreSTha kaha:niya:M. ra:jkamal praka:shan. dilli:, 1960.
- JT — *jainendra kuma:r*. tya:g-patra. pu:rvoday praka:shan. dilli:, 1956.
- JY — «janyug». nayi: dilli:.
- KB — *kapildevsinh*. brajbha:Sa: bana:m khaRi:boli: vinod pustak mandir. a:gra:, 1956.
- KE — *kRIshna candar*. ek gadhe ki: a:tmakatha: ra:jpa:l eND sanz. dilli: [б. г.].
- KK — *vishvambharna:th sharma: 'kauSik'*. kallol. vinod pustak mandir. a:gra:, 1954.
- LH — *m. yu: lermontov*. hama:re yug ka: ek na:yak. anuva:dak–ra:jendra ya:dav. videshi: bha:Sa: praka:shan gRIh. ma:sko [б. г.] (*М. Лермонтов*. Герой нашего времени).
- LK — pa:Mc lambi: kaha:niya:M jinheM mohan ra:kesh ne cuna: lekhak–ra:jendra ya:dav (p. 9-36), phaNi:shvarna:th 'reNu' (p. 36-71), shekhar joshi: (p. 72-87), nirmal varma: (p. 87-127), mohan ra:kesh (p. 127-159). ra:jkamal praka:shan. dilli:, 1960.
- ND — *na:ga:rjun*. dukhmocan. ra:jkamal praka:shan. dilli:, 1958.
- NK — «nai: kaha:niya:M». ra:jkamal praka:shan. dilli:.
- NM — *amRItla:l na:gar*. shatranj ke mohre. bha:rati:ya jña:npi:Th. ka:shi:, 1959.
- PB — *aleksa:ndr pushkin*. iva:n belkin ki: kaha:niya:M. anuva:dak–narottam na:gar. pragati praka:shan. ma:sko, 1973. (*А. С. Пушкин*. Повести Белкина).

- PG — *premcand. go-da:n. sarasvati: pres. bana:ras, 1954.*
- PJ — *premcand. gra:mya ji:van ki: kaha:niya:M. sarasvati: pres. bana:ras, 1952.*
- PK — *pushkin. kapta:n ki: beTi:. anuva:dak-savita: begam. prabha:t praka:shan. dilli: [б. р.] (A. C. Пушкин. Капитанская дочка).*
- PM1 — *premcand. ma:nasarovar. bha:g 4. sarasvati: pres. bana:ras, 1948.*
- PM2 — *premcand. ma:nasarovar. bha:g 4. hindusta:ni: pabli:shing ha:us. ila:ha:ba:d, 1951.*
- PN — *premcand. nirmala:. sarasvati: pres. bana:ras, 1957.*
- PP — *premcand. prem-pac:si:. hindi: pustak ejensi:. ka:shi:., samvat 1994.*
- RA — *mohan ra:kesh. aMdhare band kamre. ra:jkamal praka:shan. nai: dilli:., 1961.*
- SA — *shika:ri:. afri:ka: ke jangal meM. svayambha:ti pustaka:lay. va:ra:Nasi: [б. р.]*
- SB — *govind sinh. badnasi:b. vallabh praka:shan. va:ra:Nasi:., 1961.*
- SK — *'sami:r', kina:re kina:re. sTa:r pa:keT si:ri:z. nai: dilli:., 1972.*
- SN — *sudarshan. nagi:ne. vora: eND kampani: pabli:sharz. bambai:., 1947.*
- ST — *sudarshan. ti:rtha-ya:tra:. inDiyan pres limiTeD. praya:g, 1927.*
- SV1 — *sa:vitri:devi: varma:. uttar bha:rat ki: lok-katha:eM. bha:g 2. a:tma:ra:m eND sans. dilli:., 1960.*
- SV2 — *sa:vitri:devi: varma:. uttar bha:rat ki: lok-katha:eM. bha:g 3. a:tma:ra:m eND sans. dilli:., 1958.*
- TB — *lev tolstoy. bacpan, kishora:vastha:, yuva:vastha:. anuva:dak-muni:sh saksena:. ra:duga: praka:shan. ma:sko, 1984 (Лев Толстой. Детство, отрочество, юность).*
- TK — *iva:n turgenev. kuli:n ghara:na:. anuva:dak-muni:sh saksena:. ra:duga: praka:shan. ma:sko, 1984 (И. С. Тургенев. Дворянское гнездо).*
- TP — *iva:n turgenev. pita: aur putra. anuva:dak-madanla:l 'madhu'. pragati praka:shan. ma:sko, 1979 (И. С. Тургенев. Отцы и дети).*
- TS — *premna:ra:yaN TaNDan. su:r ki: bha:Sa:. hindi: sa:hitya bhaNDa:r. lakhnau:., 1957.*
- UK — *pa:Ndey becan sharma: 'ugra'. ugra ki: shreSTha kaha:niya:M. ra:jkamal praka:shan. dilli:., 1961.*
- US — *pa:Ndey becan sharma: 'ugra'. sarka:r tumha:ri: a:MkhoM meM. ra:jkamal praka:shan. dilli:., 1960.*
- VB — *bhagavati:caraN varma:. bhu:le bisre citra. ra:jkamal praka:shan. dilli:., 1959.*
- VL — *«vijña:n-lok». shri:ra:m mehra: eND kampani:.. a:gra:.*
- VM — *vRInda:vanla:l varma:. mRIganayani:. mayu:r-praka:shan. jha:Msi:., 1955.*
- VR — *kishori:da:s va:jpeyi:. ra:STrabha:Sa: ka: itiha:s. janva:Ni: praka:shan. kalkatta:., samvat 2007.*
- YA — *yashpa:l. abhishapta. viplav ka:rya:lay. lakhnau:., 1948.*
- YB — *yashpa:l. jhu:Tha: sac. desh ka: bhaviSya. viplav ka:rya:lay. lakhnau:., 1960.*
- YD — *yashpa:l. deshdrohi:. viplav ka:rya:lay. lakhnau:., 1953.*
- YS — *ra:jendra ya:dav. sa:ra: a:ka:sh. ra:jkamal praka:shan. dilli:., 1960.*
- YV — *yashpa:l. jhu:Tha: sac. vatan aur desh. viplav ka:rya:lay. lakhnau:., 1958.*

Библиографические сокращения

ВЯ	— Вопросы языкознания. М.
Изв. АН СССР. СЛЯ	— Известия Академии Наук СССР. Серия литературы и языка. М.
КПСБЯ	— Категория притяжательности в славянских и балканских языках. Тезисы совещания. М., 1983.
FL	— Folia linguistica. Acta Societatis Linguisticae Europaeae. The Hague.
IJAL	— International Journal of American Linguistics. Bloomington.
JL	— Journal of Linguistics. Cambridge–London–New York.
Lg	— Language. Baltimore.
Ls	— Linguistics. Mouton de Gruyter. Berlin–New York.
RRL	— Revue roumaine de linguistique. Bucarest.

Литература

1. *Алиева Н. Ф.* Типологические аспекты индонезийской грамматики. Аналитизм и синтетизм. Посессивность. М., 1998.
2. *Апресян Ю. Д.* Синтаксические средства выражения посессивности. — КПСБЯ.
3. *Апресян Ю. Д.* Формальная модель языка и представление лексикографических значений. ВЯ. 1990, № 6.
4. *Аракин В. Д.* Сравнительная типология английского и русского языков. Л., 1979.
5. *Бенвенист Э.* Общая лингвистика. М., 1974.
6. *Булыгина Т. В., Сталтмане В. Э.* Некоторые типы посессивных конструкций в современных балтийских языках. — IV Всесоюзная конференция балтистов. 23-25 сентября 1980. Тезисы докладов. Рига, 1980.
7. *Булыгина Т. В., Сталтмане В. Э.* Типология посессивных конструкций в современных балтийских языках. — Baltu valodes senak un tagad (Балтийские языки в настоящем и прошлом). Riga, 1985.
8. *Ван Валин Р., Фоли У.* Референциально-ролевая грамматика. — Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XI. Современные синтаксические теории в американской лингвистике. М., 1982.
9. *Вертоградова В. В.* Праkritы. М., 1968.
10. *Воронина И. М.* Логические различия в посессивном значении. — Актуальные вопросы структурной и прикладной лингвистики. М., 1980.
11. *Гак В. Г.* Глаголы *быть* и *иметь* как центры лексико-грамматической структуры предложений. — RRL. 1975, t.20, № 4.
12. *Гак В. Г.* Русский язык в сопоставлении с французским. М., 1988.
13. *Гак В. Г.* Сравнительная типология французского и русского языков. Л., 1977.
14. *Головачева А. В.* К вопросу о содержательном аспекте категории посессивности. — КПСБЯ.
15. *Головачева А. В.* Семантико-синтаксический способ выражения категории посессивности. — Структура текста-81. Тезисы симпозиума. М., 1981.
16. *Головачева А. В.* Семантические функции падежа в посессивных структурах. — Проблемы сопоставительной грамматики славянских языков. М., 1990.
17. *Головачева А. В.* и др. Притяжательность (посессивность) и способы ее выражения (предварительный вариант анкеты). — Структура текста-81. Тезисы симпозиума. М., 1981.
18. *Григалюнене Й. Й.* Некоторые проблемы синтаксического посессива в английском языке. — Изв. АН СССР. СЛЯ. 1989, т. 48, № 3.
19. *Дащенко Г. М.* Результативные причастия в языке урду. М., 1987.
20. *Дащенко Г. М.* Семантический анализ атрибутивных синтагм, состоящих из конкретных существительных (на материале языка урду). Канд. дисс. М., 1974.
21. *Дащенко Г. М.* Автореф. канд. дисс. — 20.
22. *Елизаренкова Т. Я.* Грамматика ведийского языка. М., 1982.
23. *Елизаренкова Т. Я., Топоров В. Н.* Язык пали. М., 1965.
24. *Журинская М. А.* О выражении значения неотторжимости в русском языке. — Семантическое и формальное варьирование. М., 1979.
25. *Зеленецкий А. Л., Монахов П. Ф.* Сравнительная типология немецкого и русского языков. М., 1983.
26. *Иванова Т. А.* О содержании категории притяжательности. — Вестник Ленинградского университета. № 8. История, язык, литература. Вып. 2. 1975.
27. Категория посессивности в славянских и балканских языках. М., 1989.

28. Крушельницкая К. Г. Очерки по сопоставительной грамматике немецкого и русского языков. М., 1961.
29. Лайонз Дж. Введение в теоретическую лингвистику. М., 1978.
30. Лакофф Дж. Лингвистические гештальты.— Новое в зарубежной лингвистике. Вып. X. Лингвистическая семантика. М., 1981.
31. Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990.
32. Методы сопоставительного изучения языков. М., 1988.
33. Мошеев И. Б. Сопоставительная типология русского и таджикского языков. Морфология. Душанбе, 1991.
34. Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XXV. Контрастивная лингвистика. М., 1989.
35. Панде Х. Ч. Посессивность, виды принадлежности и бытийность.— Wiener slawistischer Almanach. Band 25/26. Festschrift L'ubomir Ďurovič zum 65. Geburtstag. Wien, 1990.
36. Писаркова К. Посессивность как грамматическая проблема (на материале польского языка). — Грамматическое описание славянских языков. М., 1974.
37. Практическая грамматика русского языка для зарубежных преподавателей-русистов. Под редакцией Н. А. Метс. М., 1985.
38. Проблемы сопоставительной грамматики славянских языков. М., 1990.
39. Проблемы сопоставительной типологии родного (русского) и иностранных языков. Л., 1981.
40. Селиверстова О. Н. Контрастивная синтаксическая семантика. Опыт описания. М., 1990.
41. Сопоставительная лингвистика и обучение неродному языку. М., 1987.
42. Типология результативных конструкций. Л., 1983.
43. Ульциферов О. Г. Словосочетания в хинди. М., 1971.
44. Чернышев В. А. Синтаксис простого предложения в хинди. М., 1965.
45. Чернышев В. А. Функциональная роль форманта *vālā* в хинди (образования «имя + *vālā*»). — Индийская и иранская филология. Вопросы грамматики. М., 1976.
46. Чинчлей К. Г. Категория посессивности в типологическом освещении. — Изв. АН СССР. СЛЯ. 1987, т. 46, № 2.
47. Чинчлей К. Г. Некоторые аспекты типологии категории посессивности (на материале романских, германских, балтийских и славянских языков). Автореф. канд. дисс. М., 1984.
48. Чинчлей К. Г. Некоторые вопросы типологии категории посессивности. — Строй и функционирование романских и германских языков. Кишинев, 1982.
49. Ярцева В. Н. Контрастивная грамматика. М., 1981.
50. Bendix E. H. Componential analysis of general vocabulary: the semantic structure of a set of verbs in English, Hindi and Japanese. — IJAL. 1966, vol. 32, № 2, pt 2.
51. Einführung in die konfrontative Linguistik. Von einem Autorenkollektiv unter Leitung von Reinhard Sternemann. Leipzig, 1983.
- 51a. Y.Elizarenkova. T.Y. *The possessivity in the Rgveda*. – International Conference on Sanskrit and Related Studies (Proceedings). Cracow, 1995.
52. *guru ka:mta:prasa:d. hindi: vya:karaN. na:gari:praca:riNi: sabha: ka:shi:, samvat 2017.*
53. Hasan R. The verb 'be' in Urdu.— The verb 'be' and its synonyms. Philosophical and grammatical studies–5 (Foundations of language. Supplementary series. Vol. 14). Dordrecht, 1972.
54. Hawkins R. Towards an account of the possessive constructions: NP's N and N of NP. — JL. 1981, vol. 17, №2.
55. Hocke M. Die Pertinenzrelation im Deutschen. Untersuchungen zur Semantik und Syntax. Peter Lang. Frankfurt am Main–Bern–New York, 1987.
56. Issatschenko A. On Be-languages and Have-languages. — Proceedings of the Eleventh International Congress of linguists. Bologna–Florence 1972. Vol. 2. Bologna, 1974.

57. *Kachru Y.* A note on possessive constructions in Hindi-Urdu. — JL. 1970, vol. 6, № 1.
58. *Kachru Y.* An introduction to Hindi syntax. Urbana, 1966.
59. *Lakoff G.* Women, fire, and dangerous things. The University of Chicago Press. Chicago–London, 1987.
60. *Lakoff G., Johnson M.* Metaphors we live by. The University of Chicago Press. Chicago–London, 1980.
61. *Masica C. P.* Defining a linguistic area: South Asia. The University of Chicago Press. Chicago–London, 1976.
62. *McGregor R. S.* Outline of Hindi grammar with exercises. Oxford, 1972.
63. *Miller G. A., Johnson-Laird Ph. N.* Language and perception. Cambridge. Massachusetts, 1976.
64. *Nichols J.* On alienable and inalienable possession. – In Honor of Mary Haas. Ed. William Shipley. Mouton de Gruyter. Berlin – New York – Amsterdam, 1988.
65. *pa:ND e hemacandra.* sambaddhata: aur uske praka:r (Принадлежность и ее виды). — «para:marsha». nai: dilli:, 1989, varSa 11, ank 1.
66. *Rappaport G. C.* On the persistent problem of Russian syntax: sentences of the type *Mne negde spat'* — Russian Linguistics. Dordrecht–Boston. 1986, vol. 10, № 1.
67. Russisch im Spiegel des Deutschen. Eine Einführung in den russisch-deutschen und deutsch-russischen Sprachvergleich. Von einem Autorenkollektiv unter Leitung von Wolfgang Gladrow. VEB Verlag Enzyklopädie. Leipzig, 1989.
68. *Saksena A.* The affected agent. — Lg. 1980, vol. 56, № 4.
69. *Seiler H.* Possession as an operational dimension of language. Tübingen, 1983.
70. *Seiler H.* Zum Problem der sprachlichen Possessivität. FL. 1973, t. 4, № 3/4.
71. *Taylor J. R.* Possessive genitives in English. — Ls. 1989, vol. 27, № 4.
72. *va:jpeyi: kishori:da:s.* acchi: hindi: ka: namu:na:. janva:Ni: pres eND pablikesans. kalkatta:, 1948.
73. *Verma M. K.* The structure of the noun phrase in English and Hindi. Motilal Banarsidass. Delhi–Patna–Varanasi, 1971.

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
Посессивность в лингвистике	6
Хинди и русский — Е-языки	12
Межъязыковое соотношение конструкций	21
Реляционные предложения и предложения характеристики	27
Рефлексивизация и пространственная детерминация	28
Пути расширения диапазона применимости посессивных конструкций.....	31
Посессивные конструкции в межмодельных модификациях	40
Особые модели предложений со значением посессивности.....	42
О глаголе типа «иметь» и его эквивалентах	43
О неличном Посессоре посессивных конструкций	46
К вопросу об именных конструкциях	48
Именная посессивная конструкция и согласованность по посессивности	57
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	60
УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ НАЗВАНИЙ ИСТОЧНИКОВ.....	64
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ СОКРАЩЕНИЯ	66
ЛИТЕРАТУРА.....	67

Научное издание

Липеровский Владимир Петрович

**Посессивные конструкции
в хинди и русском языке**

Изд. лиц. ИД № 04697 от 28.04.2001.

Формат 60x90 1/16.

Усл. печ. л. 4,5. Уч.-изд. л. 4,9.

Тираж 150 экз.

Институт востоковедения РАН.

Научно-издательский отдел. Зав. отделом И.В. Зайцев.

103031, Москва, ул. Рождественка, 12